

The background features a complex, abstract geometric design with various shades of blue, grey, and white. The shapes are angular and layered, creating a sense of depth and perspective. In the center, a small silhouette of a person stands on a light-colored, rectangular platform, looking towards the right. The overall aesthetic is modern and intellectual.

СЕРГЕЙ РУБИНШТЕЙН

ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

*Под редакцией
академика РАО
Ксении Абульхановой*

курс лекций

наследие эпох

Сергей Леонидович Рубинштейн

Основы общей психологии

Серия «Наследие эпох»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50405712

*С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-114740-2*

Аннотация

Книга выдающегося психолога и философа Сергея Рубинштейна «Основы общей психологии» впервые была издана почти восемьдесят лет назад, однако до сих пор она не утратила своей актуальности и считается наиболее полной энциклопедией психологической науки и источником знаний для многих поколений специалистов.

В книге ученому удалось представить психологию как функциональную систему познания, в которой различные способы и уровни исследования гибки, изменчивы в своем взаимодействии – в зависимости от поставленных задач, обстоятельств и роли психологии в общественной жизни.

С. Рубинштейн проводит связи психологии с естественными и общественными науками, определяет ее место в комплексе этих наук. В его фундаментальном труде проанализирован практически весь опыт мировой психологической мысли,

представлены исследования, достижения и проблемы отечественной психологии.

Содержание

Основная книга С. Л. Рубинштейна	7
Предисловие к 1-му изданию	22
Предисловие ко 2-му изданию	26
Часть I	28
Глава I. Предмет психологии	28
Природа психического	28
Психика и сознание	44
Психика и деятельность	53
Психофизическая проблема	60
Предмет и задачи психологии как науки	74
Отрасли психологии	86
Глава II. Методы психологии	91
Методика и методология	91
Методы психологии	93
Наблюдение	101
Самонаблюдение	102
Объективное наблюдение	111
Экспериментальный метод	118
Другие методы психологического исследования	126
Глава III. История психологии	144
История развития западной психологии	144
Психология в Древнем мире (Древняя)	144

Греция)	
Психология в Средние века (до эпохи Возрождения)	149
Психология в эпоху Возрождения	150
Психология в XVII–XVIII вв. и первой половине XIX в.	152
Оформление психологии как экспериментальной науки	168
Кризис методологических основ психологии	174
Конец ознакомительного фрагмента.	201

Сергей Рубинштейн

Основы общей психологии

© Альбуханова К. А., предисловие, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Основная книга С. Л. Рубинштейна

Уникальный труд Сергея Леонидовича Рубинштейна «Основы общей психологии» относится к числу самых значительных достижений отечественной психологической науки. Опираясь на его доминирующую философскую концепцию 20-х годов прошлого столетия, этот труд тем не менее стал основой принципиально новой научной парадигмы «Человек и мир», разработанной С. Л. Рубинштейном в 60-х годах XX века.

Почти за 80 лет, прошедших со времени первого издания, эта книга не превратилась в музейный экспонат. Она и сегодня является энциклопедией психологической науки, образцом искусства психологического познания. Классический труд С. Л. Рубинштейна, будучи изданным как учебное пособие, стал источником знаний для многих поколений психологов, побудителем постановки все новых исследовательских задач.

Отправными позициями этого труда являлось осмысление С. Л. Рубинштейном актуальных для психологии выводов из ранних и поздних трудов Карла Маркса, а также – выход в свет первого варианта «Основ психологии» (1935 г.), содержавшего новое определение предмета психологии, новую методологию исследования психического.

В новом издании – «Основы общей психологии», вышед-

шем в 1940 году, раскрыты связи психологии с естественными и общественными науками, определено ее место в комплексе этих наук. В фундаментальном труде Рубинштейна проанализирован практически весь опыт мировой психологической мысли, представлены исследования, достижения и проблемы отечественной психологии.

Как известно, методология психологического познания в отечественной науке значительно отличается от систематики, носящей скорее науковедческий характер мировой психологии. Отечественная психологическая наука, опираясь на философские положения, использует их не как априорные принципы, а преобразует в объяснительные ресурсы, в конструктивные ориентиры приоритетных направлений психологического познания. Вопреки представлениям, существующим в зарубежной науке (М. Полани, М. Малкей и др.) с ее науковедческими классификациями, С. Л. Рубинштейну удалось представить психологию как функциональную систему познания, в которой различные способы и уровни исследования гибки, изменчивы в своем взаимодействии – в зависимости от поставленных задач, обстоятельств и роли психологии в общественной жизни.

Книга «Основы общей психологии» представляет собой органическое единство философско-методологического, психологического (теоретико-эмпирического) и педагогического направлений творчества С. Л. Рубинштейна – выдающегося мыслителя XX столетия.

Этот фундаментальный труд был издан в форме учебника, потому что Сергей Леонидович Рубинштейн считал себя ответственным за все факторы, обеспечивающие развитие психологии: за ее институты, кадры (особенно молодые, в силу нарушения непрерывности психологического образования после Октябрьской революции и радикального изменения самого содержания науки); за признание психологической науки всем научным сообществом, за ее социальную востребованность.

Именно поэтому он, работая сначала в Ленинграде заведующим кафедрой психологии Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, создал коллектив, реализующий исследования различных психических процессов, качеств, способностей: восприятия, наблюдения, памяти, воспроизведения, реминисценции, речи и др.

Предметом исследования являлась зависимость оптимальности развития разных психических процессов в осуществлении ребенком деятельности, предложенной экспериментатором. Рубинштейну и его коллегам удалось выявить внутренние закономерности и высокоорганизованных личностно-психологических способностей, скрытых от внешнего наблюдения, воссоздав способы и уровни их развития в условиях естественного эксперимента – осуществления деятельности.

Важно, что осуществление деятельности не регулировалось по произволу экспериментатора. Деятельность заранее

организовывалась так, чтобы превратить ее в решение задачи, адекватной возможностям ребенка: его возрасту, уровню развития. Причем задача ставилась таким образом, чтобы именно «здесь» и «сейчас» произошло развитие психических способностей личности, проявились их закономерности. К этому нельзя не добавить, что это высочайшее искусство проведения подобных экспериментов было сильной стороной всего исследовательского коллектива Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена.

Это было отмечено и самим Сергеем Леонидовичем, назвавшим свои «Основы общей психологии» коллективным трудом.

Именно поэтому сразу после выхода в свет первого издания «Основ...» он садится за написание второго – в условиях уже начавшейся войны, непрекращающихся бомбежек.

Одновременно он возглавляет эвакуацию сотрудников и студентов педагогического института имени А. И. Герцена и их семей, беря на себя все заботы по ее организации.

Поэтому он – уже не молодой человек – пешком идет по обледенелым улицам осажденного Ленинграда, чтобы поделиться своим академическим пайком с заболевшим аспирантом.

С. Л. Рубинштейн начал работу над вторым изданием «Основ...» не потому, что имел поддержку первого издания выдающимися учеными В. В. Вернадским и А. А. Ухтомским, и безотносительно к присуждению Государственной

премии (1942 г.) – этой высочайшей по тем временам социальной оценке его труда, а считая его необходимым и для подготовки новых психологических кадров и утверждения общественной роли психологической науки.

Будучи в том же году отозван из эвакуации (где он успел наладить жизнедеятельность института, создать все условия для продолжения преподавания) в Москву, С. Л. Рубинштейн избирается членом-корреспондентом АН СССР. Ему поручается возглавить три ведущих психологических центра Москвы: пришедший в запущенное состояние Психологический институт АПН СССР, кафедру психологии на вновь открывшемся отделении философского факультета МГУ и созданный Сергеем Леонидовичем сектор философских проблем психологии в Институте философии АН СССР. Этим решалась важнейшая задача интеграции психологической науки.

В перечисленных учреждениях развернулась интенсивная научно-исследовательская деятельность известных психологов: Б. М. Теплова, Н. Н. Ладыгиной-Котс и многих других, преподавание психологии, подготовка аспирантов... Сергей Леонидович проводил совершенно особые, отличные от учебных, научные семинары с участием и старшего, и молодого поколений психологов. На таких семинарах он обучал исследовать: ставить проблемы, обобщать результаты, обсуждать выводы. На эти семинары приглашались известные психологи страны со своими докладами.

Именно поэтому, из чувства личной ответственности, он неоднократно обращался в соответствующие инстанции, обосновывая необходимость создания нового института психологии в системе Академии наук.

Однако успех «Основ общей психологии» и ее автора вызвал недоброжелательство вчерашних коллег, защите докторских диссертаций которых он содействовал еще в Ленинграде. «Основы» были подвергнуты критике за «избыточное» число ссылок на зарубежных авторов и искаженные критиками отдельные мысли автора. Пренебрегая жесточайшей идеологической критикой второго издания (1946 г.), развернувшейся в ходе начавшейся борьбы с космополитизмом, противодействуя попыткам «закрывать психологию» на небезызвестной Павловской сессии, он продолжал работу над последующими трудами, невзирая на поражение в правах: снятие с должностей, запрет публикаций, уничтожение монографии «Философские корни экспериментальной психологии» на стадии верстки.

Творчество С. Л. Рубинштейна нельзя было ни остановить, ни запретить...

Именно как ученый, ответственный за судьбу науки во всех ее ипостасях: научно-исследовательских, институциональных, кадровых – вопреки его депривации вчерашними коллегами, которых он поддерживал научно и административно, ратуя за создание отечественного психологического сообщества, – Сергей Леонидович *продолжил* разработку

психологических проблем, поставленных и исследованных в «Основах...». Огромной значимости потенциал, содержащийся в этом труде, был реализован во второй половине 50-х годов в трех монографиях: «Бытие и сознание» (1957 г.), «О мышлении и путях его исследования» (1958 г.), «Принципы и пути развития психологии» (1959 г.). В этих трудах был представлен более высокий – *личностный* — уровень организации психического (*способности, мышление, сознание личности*) и совокупность новых методологических принципов, среди которых системообразующим стал по-новому определенный принцип детерминизма, в свою очередь открывший перспективу разработки онтологического принципа, объединяющего качественно различные способы существования и уровни бытия человека, и принцип гуманизма, утверждающий человечность, ценности добра и справедливости в жизни личности и общества.

Первое посмертное переиздание «Основ общей психологии» осуществлено учениками С. Л. Рубинштейна в 1989 году и приурочено к столетнему юбилею этого выдающегося ученого. Переиздание было снабжено комментариями, вскрывающими связи с последующими трудами С. Л. Рубинштейна, с дальнейшим развитием его идей. Существовавшие в то время издательские рамки, требовавшие уменьшения общего объема, вынудили сократить в каждой главе раздел о развитии каждой психической способности ребенка. Неоднократное переиздание «Основ...» коммерческим издатель-

ством не восстановило первоначального текста, но исключило комментарии учеников и подробное послесловие, написанное К. А. Абульхановой совместно с А. В. Брушлинским.

Данное предисловие к новому изданию «Основ общей психологии» стремится пригласить читателя к новому – с позиции современного состояния психологии, современного уровня мышления – прочтению этой удивительной книги: для выявления более глубокого, порой скрытого смысла – тонкого подтекста идей С. Л. Рубинштейна. Такое свежее прочтение полезно и для обнаружения пробелов в более чем сложной архитектонике этого труда – с целью постановки новых проблем, нахождения новых связей, а также – для более перспективной оценки исследовательского искусства С. Л. Рубинштейна, которое сильно отличается от трафаретных схем науки, и сегодня осуществляющихся в эмпирических исследованиях.

Важной задачей представляется раскрытие характера доминирующих в «Основах...» внутренних связей методологических принципов: в частности, *принципа развития с принципом единства сознания и деятельности личности*. Проблемой «Основ...» является проблема *генезиса* психического. Проблема его возникновения как кардинально нового уровня по отношению к психике животных, преобразования природных основ индивида в психические процессы, качества, способности личности, использование ей своих психических способностей (во всем их многообразии, включая со-

знание) в саморегуляции при осуществлении деятельности и жизни.

Поскольку *принцип развития* доминировал во всей мировой психологии, С. Л. Рубинштейн проанализировал многочисленные концепции развития (антропогенез, онтогенез, развитие психики ребенка, развитие способностей, сознания, личности и т. д.), уделяя особое внимание концепциям В. Штерна и Ж. Пиаже. Рубинштейн приходит к выводу, что практически все эти концепции строятся на принципе *определения развития* той или иной *структурой*. Он доказывает, что сама структура может развиваться, и, главное, развитие осуществляется в *функционировании психического, в деятельности, общении, взаимодействии личности с действительностью*. Функционирование предполагает бесконечные возможности *изменчивости* психических явлений, их многообразие и разнонаправленность их связей. При всей непрерывности их функционирования каждая такая изменчивость связана с обеспечением ее внутренней организации. При взаимодействии личности с действительностью происходит обобщение способов, наиболее конструктивно и адекватно обеспечивающих *ее функционирование*. Оптимальность функционирования психического и является развитием, которое происходит при осуществлении личностью деятельности. Посредством деятельности личность осуществляет преобразование действительности – преобразование уже существующего в нечто другое. Таким обра-

зом, принцип развития раскрывается С. Л. Рубинштейном как функционально-генетический. И в таком качестве *принцип развития* оказывается внутренне связанным с *принципом субъекта деятельности* (в авторской формуле – «единство сознания и деятельности»).

В определении предмета психологии С. Л. Рубинштейн характеризует психическое как «отражение» и «*переживание*». Последнее не сводится (путем чисто терминологической интерпретации) к чувствам – так же, как и «отражение» не отождествляется с философским гносеологическим понятием объективности познания. Переформулируя, вслед за С. Л. Рубинштейном, его определение психического – в контексте принципа единства сознания и деятельности, можно говорить о психическом как о *субъективном воспроизводстве человеком своей жизнедеятельности в действительности*, являющейся и условием его существования, и объектом его деятельности как личности. Поэтому не может идти речь о подмене личности ее сознанием. Речь идет о том, что сознание (как высшая среди способностей личности) является тем, посредством чего личность может осуществить деятельность, сущность которой заключается в онтологическом *преобразовании действительности*.

Таким образом, интерпретация *принципа развития* как функционально-генетического механизма позволяет понять способность психического, его конструктивную, операциональную роль в *осуществлении* личностью деятельности по-

средством сознания, в результате чего и происходит личностное развитие. Понятие же *единства* в формулировке *принципа единства сознания и деятельности* означает, что субъект достигает того способа осуществления деятельности, который, с одной стороны, отвечает его *намерениям* и, с другой, – *характеру преобразуемой им действительности*. Субъект способен в самом процессе осуществления определять масштабы, задачи деятельности, необходимые способности, характер усилий и т. д.

Принцип личности, субъекта не сформулирован С. Л. Рубинштейном в «Основах...» по понятным идеологическим причинам. Тем не менее в этом фундаментальном труде *принцип личности* уже не является тождественным простому использованию *понятия личности* как высшего уровня в организации психического. Причем этот принцип функционирует не только имплицитно. Он является *эксплицитным принципом*. Более того, он интегрирует два описанных выше принципа в объяснительную методологическую систему.

Теоретическое *понятие личности* конкретизировано С. Л. Рубинштейном по ряду различных оснований. Это прежде всего ставшее классическим *определение личности* через модальности: «хочу», «могу», «я сам». В «Основах...» анализируются относительно устойчивые личностные «составляющие» – способности, мышление, воля, характер, складывающиеся, изменяющиеся и развивающиеся *в ходе жизни*. Эти «образующие» формулу личности компоненты

взаимно связаны друг с другом. По словам С. Л. Рубинштейна, «в... деятельности человека все они сплетены в одном узле» («Основы общей психологии». М.: Педагогика, 1989. Т. II. С. 99) и – одновременно – соподчинены направленности сознания личности, ее различным интересам, смыслу и идеалам жизни. В личностных категориях, связанных с деятельностью, можно говорить *об устремленности личности*, подразумевая ее индивидуальность, силу ее потребности самовыражения и самореализации в жизни, степень ее активности. В число анализируемых «образующих» личности С. Л. Рубинштейн включает, по сути, четвертую составляющую вышеупомянутой формулы: модальность «долженствование» = «надо» (помимо «хочу»). Однако он отнюдь не сводит это долженствование к требованиям внешних условий, а рассматривает его как внутренний *долг человека*, его нравственную *ответственность*. Внутренний долг в свою очередь реализуется и поддерживается волей, определение которой С. Л. Рубинштейн, в соответствии с принципом субъекта, связывает с самоопределением личности, с ее правом принимать и реализовать моральные решения, с ее самостоятельностью. Каждое качество личности С. Л. Рубинштейн рассматривает *в связи с деятельностью* (с ее поступками), развитием и характером личности – в соответствии с основными методологическими принципами, рассмотренными выше.

В характере, по мнению С. Л. Рубинштейна, конкретизи-

руется принцип субъекта. В отличие от традиционных определений, в «Основах...» в понятие «характер» включаются и самобытность, и избирательность, и *настойчивость* в реализации своего мировоззрения, собственных целей.

Определение эмоций и чувств личности фактически является замечательным прологом к раскрытию их модальностей – противоречивости и человечности – этот тезис о мировоззренческих чувствах личности получил дальнейшее развитие в монографии «Человек и мир», где идет речь о них, как выражающих разные отношения разных людей к жизни своей и всего общества, названных С. Л. Рубинштейном *оптимистической трагедией*.

«Основы общей психологии» в совокупности с вышеупомянутыми тремя трудами конца 50-х годов представляют собой фактически всю совокупность знаний восстановленной и обновленной в XX веке отечественной психологии (после ее кризиса конца XIX – начала XX века и радикального перерыва в ее развитии как результата революции). Исключая, конечно, ее специальные отрасли, начавшие развиваться во второй половине XX века (такие как инженерная психология, психология труда, социальная психология и др.), однако эта совокупность знаний, не разнесенных по обособленным разделам, а внутренне связанных в соответствии с сложнейшими связями самого психического во всем его многообразии, всех его уровнях, его изменениях и развитии, эти связи в обобщенном виде представлены и методологическими

принципами – этими скрепами целостности науки.

Одновременно автору удалось представить психологию не только в качестве знаний о ее предмете и сущности этого предмета, но и в качестве способов познания, исследования, которые демонстрируют высочайший уровень отечественной психологической мысли – ее искусство. Оно воплотилось и в стержневой для всего труда теоретико-эмпирической модели изучения психического, сознания, личности (и ее образующих) в деятельности и в образцах теоретического моделирования эксперимента, приводящих к раскрытию существенных связей объекта и в воссоздании ходов мысли критикуемых С. Л. Рубинштейном авторов, приводящих к бесплодному эксперименту. В силу этого «Основы» предлагают читателю не только знания, которые развиваются, дополняются, расширяются, но и образцы психологического мышления, не устаревающие по существу, но совершенствующиеся по способу и уровню.

Человек, личность предстает в труде С. Л. Рубинштейна не как безликий фактор (как ее стали обозначать в 60 годах), а как иницилирующий деятельность и жизнь субъект, берущий на себя ответственность за все содеянное и упущенное, как заключающий в себе потенциал развития и своих способностей, и деятельности, и жизни. В таком портрете личности, который умом и душой своей нарисовал С. Л. Рубинштейн в свой жестокий век, вопреки ему, – образец гражданского и человеческого мужества – может воодушевлять

не «инженеров человеческих душ» (как говорилось раньше), не бесстрастных ее исследователей под микроскопом, а нас как психологов, призванных охранять, поддерживать бесконечную ценность русского человека.

Ксения Абульханова

Предисловие к 1-му изданию

Настоящая книга выросла из работы над предполагавшимся 2-м изданием моих «Основ психологии», вышедших в 1935 г. Но по существу – как по тематике, так и по ряду основных своих тенденций – это новая книга. Между ней и ее предшественницей лежит большой путь, пройденный за эти годы советской психологией вообще и мною в частности.

Мои «Основы психологии» 1935 г. были – я первый это подчеркиваю – пронизаны созерцательным интеллектуализмом и находились в плену традиционного абстрактного функционализма. В настоящей книге я начал решительную ломку ряда устаревших норм традиционной психологии, и прежде всего тех, которые довели над моим собственным трудом.

Три проблемы представляются мне особенно актуальными для психологии на данном этапе, и правильная постановка, если не решение их, особенно существенна для передовой психологической мысли:

- 1) проблема развития психики, и в частности, преодоление фаталистического взгляда на развитие личности и сознания, проблема развития и обучения;

- 2) проблема действенности и сознательности; преодоление господствующей в традиционной психологии сознания пассивной созерцательности и в связи с этим;

3) преодоление абстрактного функционализма и переход к изучению психики, сознания в конкретной деятельности, в которой они не только проявляются, но и формируются.

Этот решающий сдвиг от изучения одних лишь абстрактно взятых функций к изучению психики и сознания в конкретной деятельности органически приближает психологию к конкретным вопросам практики, в частности психологии ребенка, к вопросам воспитания и обучения.

Именно по линиям этих проблем прежде всего идет размежевание между всем, что есть живого и передового в советской психологии, и всем отжившим и отмирающим. В конечном счете вопрос сводится к одному: превратить психологию в конкретную, «реальную» науку, изучающую сознание человека в условиях его деятельности и таким образом в самых исходных своих позициях связанную с конкретными вопросами, которые ставит практика, – такова задача. В настоящей книге эта задача, пожалуй, больше ставится, чем разрешается. Но для того, чтобы ее когда-нибудь разрешить, ее надо поставить.

Эта книга – по существу (плохая или хорошая – пусть судят другие) *исследовательская* работа, которая по-новому ставит целый ряд основных проблем. Укажу для примера на новую трактовку истории психологии, на постановку проблемы развития и психофизической проблемы, на трактовку сознания, переживания и знания, на новое понимание функций и – из более частных вопросов, – например, на реше-

ние вопроса о стадиях наблюдения, на трактовку психологии памяти (в связи с проблемой реконструкции и реминисценции), на теорию развития связной («контекстной») речи в связи с общей теорией речи и т. д. Во главу угла этой книги поставлены не дидактические, а научные задачи.

При этом я особенно подчеркиваю одно: на этой книге стоит мое имя, и в ней заключена работа моей мысли; но вместе с тем это все же *коллективный* труд в подлинном смысле этого слова. Его не составлял десяток или два десятка авторов. Перо держала *одна* рука, и ею руководила *единая* мысль, но все же *коллективный* труд: ряд основных его идей выкристаллизовывался как общее достояние передовой психологической мысли, и весь фактический материал, на который опирается эта книга, является уже непосредственно продуктом коллективного труда – труда более узкого коллектива моих ближайших сотрудников и коллектива целого ряда старых и молодых психологов Советского Союза. В этой книге почти каждая глава опирается на материал советских психологических исследований, в том числе и неопубликованных. В ней впервые, пожалуй, широко представлена работа советских психологов.

В отличие от очень распространенных в последнее время тенденций, я не пытался обойти в этой книге ни одной из острых проблем. Некоторые из них по современному состоянию науки на данном этапе ее развития не могут еще быть вполне адекватно разрешены, и при самой постановке

их легко и даже почти неизбежно могут вкрасться некоторые ошибки. Но постановка их все же необходима. Без них невозможно движение вперед научной мысли. Если окажется, что при постановке некоторых из этих проблем мною допущены те или иные ошибки, критика вскоре вскроет и выправит их. Сама же их постановка и дискуссия, которую она вызовет, пойдет все же на пользу науке, а это для меня – основное.

Я высоко ценю значение деловой, позитивной критики. Поэтому я охотно отдаю мой труд на суд критики, хотя бы и самой острейшей, лишь бы она была принципиальной, лишь бы она продвинула вперед науку.

С. Рубинштейн

2/VII 1940 г., Москва

Предисловие ко 2-му изданию

Во второе издание настоящей книги я внес лишь небольшие исправления и дополнения, направленные только на возможно более четкую и последовательную реализацию ее исходных установок.

Подготовка настоящего второго издания этой книги к печати проходила в дни Великой Отечественной войны. Все силы и помыслы в те дни были сосредоточены на войне, от исхода которой зависели судьбы человечества. В этой войне наша Красная Армия защищала лучшие идеалы всего передового человечества от варварства, омерзительнее которого еще не видел мир. Майданек, Бухенвальд, Освенцим и прочие «лагери смерти», представшие теперь перед взорами всего человечества, навсегда останутся в памяти не только как места нечеловеческих мучений людей, замученных фашистскими палачами, но и как памятники такого падения, такой деградации человека, которой не могло, казалось, и представить себе даже самое извращенное человеческое изображение.

Выходит эта книга в свет в незабываемые дни победоносного окончания Великой Отечественной войны, войны всех свобододолюбивых народов против фашизма. Наше правое дело победило. И теперь, в свете всего происшедшего и пережитого с новой значительностью, как бы в новом рельефе

выступают перед нами большие, основные мировоззренческие проблемы философской и психологической мысли. С новой остротой и значительностью встает вопрос о человеке, о мотивах его поведения и задачах его деятельности, о его сознании – не только теоретическом, но и практическом, моральном – в его единстве с деятельностью, в ходе которой человек не только познает, но и преобразует мир. С новыми силами и новыми перспективами надо браться за их разрешение. От человека – сейчас это очевиднее, чем когда-либо – требуется, чтобы он не только умел находить всяческие, самые изобретательные средства для любых задач и целей, но и мог прежде всего определить надлежащим образом цели и задачи подлинно человеческой жизни и деятельности.

Институт философии Академии наук СССР

С. Рубинштейн

20/IV 1945 г., Москва

Часть I

Глава I. Предмет психологии

Природа психического

Характеристика психических явлений. Специфический круг явлений, которые изучает психология, выделяется отчетливо и ясно – это наши *восприятия, мысли, чувства*, наши *стремления, намерения, желания* и т. п. – все то, что составляет внутреннее содержание нашей жизни и что в качестве переживания как будто непосредственно нам дано. Действительно, *принадлежность индивиду*, их испытывающему, *субъекту* – *первая характерная особенность всего психического*. Психические явления выступают поэтому как процессы и как свойства конкретных индивидов; на них обычно лежит печать чего-то особенно близкого субъекту, их испытывающему.

Не подлежит сомнению, что так, как нам бывает дано нечто в непосредственном переживании, оно никаким иным способом дано нам быть не может. Ни из какого описания, как бы ярко оно ни было, слепой не познает красочности мира, а глухой – музыкальности его звучаний так, как если

бы он их непосредственно воспринял; никакой психологический трактат не заменит человеку, самому не испытывавшему любви, увлечения борьбы и радости творчества, того, что он испытал бы, если бы сам их пережил. Мне мои переживания даны иначе, как бы в иной перспективе, чем они даны другому. Переживания, мысли, чувства субъекта – это *его* мысли, *его* чувства; это *его* переживания – кусок его собственной жизни, в плоти и крови его.

Если принадлежность индивиду, субъекту является первым существенным признаком психического, то *отношение его к независимому от психики, от сознания объекту – другая не менее существенная черта психического*. Всякое психическое явление дифференцируется от других и определяется как такое-то переживание благодаря тому, что оно является переживанием *того-то*; внутренняя его природа выявляется через его отношение к внешнему. Психика, сознание отражает объективную реальность, существующую вне и независимо от нее; сознание – это осознанное бытие.

Но было бы бессмысленно говорить об отражении, если бы то, что должно отражать действительность, само не существовало в действительности. Всякий психический факт – это и *кусок реальной действительности и отражение действительности* – не либо одно, либо другое, а и одно и другое; именно в том и заключается своеобразие психического, что оно является и реальной стороной бытия и его отражением, – *единством реального и идеального*.

С двойной соотнесенностью психического, присущего индивиду и отражающего объект, связано сложное, двойственное, противоречивое внутреннее строение психического факта, наличие в нем самом двух аспектов: всякое психическое явление – это, с одной стороны, продукт и зависимый компонент органической жизни индивида и, с другой, – отражение окружающего его внешнего мира. Эти два аспекта, в тех или иных формах представленные даже в совсем элементарных психических образованиях, всё более отчетливо дифференцируются и принимают специфические формы на более высоких ступенях развития – у человека, по мере того как с развитием общественной практики он становится субъектом в подлинном смысле слова, сознательно выделяющим себя из окружающего и соотносящегося с ним.

Эти два аспекта, всегда представленные в сознании человека в единстве и взаимопроникновении, выступают здесь как переживание и знание. Моментом знания в сознании особенно подчеркивается отношение к внешнему миру, который отражается в психике. Переживание это первично, прежде всего – психический факт, как кусок собственной жизни индивида в плоти и крови его, специфическое проявление его индивидуальной жизни. Переживанием в более узком, специфическом смысле слова оно становится по мере того, как индивид становится личностью и его переживание приобретает личностный характер.

Переживанием психическое образование является, по-

сколькy оно определяется контекстом жизни индивида. В сознании переживающего индивида этот контекст выступает как связь целей и мотивов. Они определяют смысл пережитого как чего-то со мной происшедшего. В переживании на передний план выступает не само по себе предметное содержание того, что в нем отражается, познается, а его значение в ходе моей жизни – то, что я это знал, что мне уяснилось, что этим разрешились задачи, которые передо мной встали, и преодолены трудности, с которыми я столкнулся. Переживание определяется личностным контекстом, как знание (см. дальше) – предметным; точнее, оно является переживанием, поскольку оно определяется первым, и знанием, поскольку оно определяется вторым. Переживанием становится для человека то, что оказывается лично-значимым для него.

С этим связано положительное содержание термина переживания, которое обычно вкладывается в него, когда говорят, что человек что-то *пережил*, что то или иное событие стало для него *переживанием*. Когда мы говорим, что какое-нибудь психическое явление было или стало переживанием человека, это означает, что оно в своей, поэтому неповторимой, индивидуальности вошло как определяющий момент в индивидуальную историю данной личности и сыграло в ней какую-то роль. Переживание не является, таким образом, чем-то чисто субъективным, поскольку оно, во-первых, обычно является переживанием *чего-то* и поскольку, во-вторых, его специфический личностный аспект означает

не выпадение его из объективного плана, а включение его в определенный жизненный план, соотнесенный с личностью как реальным субъектом.

Два психических явления могут быть отражением одного и того же внешнего явления или факта. Как отражение одного и того же, они эквивалентны, равнозначны. Они – знание или осознание данного факта. Но одно из них – например, то, в котором данный факт был впервые осознан во всем своем значении, – могло сыграть в силу тех или иных причин определенную роль в индивидуальной жизни данной личности. То особое место, которое оно заняло в истории развития данной личности, выделяет его, придает ему неповторимость, делающую его переживанием в специфическом, подчеркнутым смысле слова. Если *событием* назвать такое явление, которое заняло определенное место в каком-то историческом ряду и в силу этого приобрело определенную специфичность, как бы неповторимость и значительность, то как *переживание* в специфическом, подчеркнутым смысле слова можно будет обозначать психическое явление, которое стало *событием внутренней жизни личности*.

Рене Декарт до конца дней своих помнил особое чувство, охватившее его в то утро, когда, лежа в постели, он впервые представил себе основные очертания развитой им впоследствии концепции. Это было значительное переживание в его жизни. Каждый человек, живущий сколько-нибудь значительной внутренней жизнью, оглядываясь на свой жизнен-

ный путь, всегда находит воспоминания о таких моментах особенно напряженной внутренней жизни, озаренных особым ярким светом, которые, в своей неповторимой индивидуальности глубоко входя в его жизнь, стали для него переживаниями. Художники, изображая психологию своего героя, недаром склонны бывают особенно осветить его переживания, т. е. особо значительные моменты его внутренней жизни, характеризующие индивидуальный путь его развития, как бы поворотные пункты его. Переживания человека – это субъективная сторона его реальной жизни, субъективный аспект жизненного пути личности.

Таким образом, понятие переживания выражает особый специфический аспект сознания; он может быть в ней более или менее выражен, но он всегда наличен в каждом реальном, конкретном психическом явлении; он всегда дан во взаимопроникновении и единстве с другим моментом – *знания*, особенно существенного для сознания.

Вместе с тем мы выделяем переживание и как особое специфическое образование. Но и в этом последнем случае переживание является переживанием чего-то и, значит, знанием о чем-то. Оно выступает как переживание не потому, что другой аспект – *знания* – в нем вовсе отсутствует, а потому, что витальный, или личностный, аспект в нем является господствующим. Таким образом, всякое переживание включает в себя как нечто подчиненное и аспект *знания*. Вместе с тем *знание* – даже самое абстрактное – может стать глубо-

чайшим личностным переживанием.

В первичной, зачаточной форме момент знания в сознании заключается в каждом психическом явлении, поскольку всякий психический процесс является отражением объективной реальности, но знанием в подлинном, специфическом смысле слова – *познанием*, всё более глубоким активным познавательным проникновением в действительность оно становится лишь у человека по мере того, как он в своей общественной практике начинает изменять и, изменяя, все глубже познавать действительность. Знание – существенное качество сознания; недаром в ряде языков понятие знания включается в качестве основного компонента в сам термин сознания (*con-science*). Однако сознание и знание не только едины, но и различны.

Различие это выражается двояко: 1) в сознании отдельно-го индивида знание обычно представлено в некоторой специфической для него ограниченности, 2) оно в сознании индивида обрамлено и пронизано рядом дополнительных мотивационных компонентов, от которых знание, как оно представлено в системе науки, обычно отвлекается.

В сознании отдельного индивида, поскольку он остается в рамках своей индивидуальной ограниченности, знание объективной реальности часто выступает в специфически ограниченных, более или менее субъективных формах, обусловленных зависимостью их не только от объекта, но и от познающего субъекта. Знание, представленное в сознании ин-

дивида, является *единством объективного и субъективного*.

Высших ступеней объективности, поднимающей знание до уровня научного познания, оно достигает лишь как общественное познание, как система научных знаний, развивающихся на основе общественной практики. Развитие научного знания – продукт общественно-исторического развития. Лишь в меру того, как индивид включается в ход общественно-исторического развития научного познания, он может, опираясь на него, и сам собственной своей познавательной научной деятельностью продвинуть научное познание на дальнейшую, высшую ступень. Таким образом, индивидуальное познание, как оно совершается в сознании индивида, всегда совершается как движение, отправляющееся от общественного развития познания и снова возвращающееся к нему; оно вытекает из общественного познания и снова вливается в него. Но процесс развития познания мира индивидом, совершаясь *внутри* общественного развития познания, все же отличается от него; мысли, к которым приходит индивид, даже те, которые, продвигая на высшую ступень общественное познание, переходят в систему или историю самой науки, в индивидуальном сознании и в системе научного знания иногда могут быть даны в разных контекстах и потому отчасти в различном содержании.

Мысли ученого, мыслителя, писателя имеют, с одной стороны, то или иное объективное значение, поскольку они более или менее адекватно, полно и совершенно отражают объ-

ективную действительность, а с другой – тот или иной психологический смысл, который они приобретают для их автора в зависимости от условий их возникновения в ходе его индивидуальной истории. В некоторых случаях ограниченность горизонтов личного сознания автора, обусловленная индивидуальным ходом его развития и историческими условиями, в которых оно совершалось, бывает такова, что вся полнота объективного содержания мыслей, которые запечатлены в его книгах, произведениях, трудах, раскрывается лишь в дальнейшем историческом развитии научного познания. Поэтому автора иногда можно понять лучше, чем он сам себя понимал. Для тех, кто затем рассматривает мысли какого-нибудь автора в связи с той общественной ситуацией, в которой они возникли, с тем объективным контекстом исторического развития научного познания, в который они вошли, они в этих новых связях раскрываются и в новом содержании. В системе знания, в историческом контексте общественного познания раскрывается их значение для познания действительности и выделяется их объективное содержание; в индивидуальном сознании, в зависимости от конкретного пути развития данного индивида, его установок, замыслов, намерений, они наполняются иным конкретным содержанием и приобретают иное конкретное значение: *те же* самые положения, формулы и т. д. имеют в одном и другом случае *то же* и *не то же* самое значение, или, сохраняя одно и то же объективное предметное значение, они приобретают у

разных субъектов в зависимости от их мотивов и целей различный смысл.

Сознание конкретного реального индивида – это *единство переживания и знания*.

В сознании индивида знание не представлено обычно в «чистом», т. е. абстрактном, виде, а лишь как момент, как сторона многообразных действенных, мотивационных, личностных моментов, выражающихся в переживании.

Сознание конкретной живой личности – сознание в психологическом, а не в идеологическом смысле слова – всегда как бы погружено в динамическое, не вполне осознанное переживание, которое образует более или менее смутно освещенный, изменчивый, неопределенный в своих контурах фон, из которого сознание выступает, никогда, однако, не отрываясь от него. Каждый акт сознания сопровождается более или менее гулким резонансом, который он вызывает в менее осознанных переживаниях, – так же как часто более смутная, но очень интенсивная жизнь не вполне осознанных переживаний резонирует в сознании.

Всякое переживание дифференцируется от других и определяется как такое-то переживание благодаря тому, что оно является переживанием *того-то*. Внутренняя природа его выявляется в его отношении к внешнему. Осознание переживания – это всегда выяснение его объективного отношения к причинам, его вызывающим, к объектам, на которые оно направлено, к действиям, которыми оно может быть

реализовано. *Осознание* переживания, таким образом, всегда и неизбежно – *не замыкание его во внутреннем мире, а соотношение его с внешним, предметным миром.*

Для того чтобы осознать свое влечение, я должен осознать предмет, на который оно направлено. Человек может испытывать неопределенное чувство неприятного беспокойства, истинной природы которого он сам не осознает. Он обнаруживает нервозность; с меньшим, чем обычно, вниманием следит за работой, от времени до времени, ничего специально как будто не ожидая, поглядывает на часы. Но вот работа окончена. Его зовут обедать; он садится за стол и с не свойственной ему поспешностью начинает есть. Неопределенное чувство, о котором первоначально трудно сказать, что оно, собственно, собой представляет, впервые определяется из этого объективного контекста как ощущение голода. Утверждение, что я ощущаю голод или жажду, есть выражение моего переживания. Никакое описание или опосредованная характеристика переживания не сравнится с самим переживанием. Но определение этого переживания как переживания *голода* или *жажды* включает утверждение о состоянии моего организма и о тех действиях, посредством которых это состояние может быть устранено. Вне отношения к этим фактам, лежащим вне внутренней сферы сознания, переживание не может быть определено; вне отношения к этим фактам невозможно определить, что мы испытываем. Установление «непосредственных данных» моего сознания предпо-

лагают данные, устанавливаемые науками о внешнем, предметном мире, и опосредовано ими. Собственное переживание познаётся и осознаётся человеком лишь через посредство его отношения к внешнему миру, к объекту. Сознание субъекта не сводимо к голой субъективности, извне противостоящей всему объективному. Сознание – *единство субъективного и объективного*. Отсюда понятным становится истинное взаимоотношение *сознательного и бессознательного*, разрешающее парадокс бессознательной психики.

Навряд ли у человека какое-либо психическое явление может быть вовсе вне сознания. Однако возможно неосознанное, «бессознательное» переживание. Это, конечно, не переживание, которое мы не испытываем или о котором мы не знаем, что мы его испытываем; это переживание, в котором не осознан предмет, его вызывающий. Неосознанным является, собственно, не само переживание, а его связь с тем, к чему оно относится, или, точнее, переживание является неосознанным, поскольку не осознано, к чему оно относится; пока не осознано, переживанием *чего* является то, что я переживаю, я не знаю, *что* я переживаю. Психическое явление может быть осознано самим субъектом лишь через посредство того, переживанием чего оно является.

Бессознательным часто бывает молодое, только что зарождающееся чувство, в особенности у юного, неопытного существа. Неосознанность чувства объясняется тем, что осознать свое чувство значит не просто испытать его как пере-

живание, а и соотносить его с тем предметом или лицом, которое его вызывает и на которое оно направляется. Чувство основывается на выходящих за пределы сознания отношениях личности к миру, которые могут быть осознаны с различной мерой полноты и адекватности. Поэтому можно очень сильно переживать какое-нибудь чувство и не осознавать его – возможно, бессознательное, или, вернее, неосознанное чувство. Бессознательное, или неосознанное чувство – это, само собой разумеется, не чувство, не испытанное или не пережитое (что было бы противоречиво и бессмысленно), а чувство, в котором переживание не соотносено или неадекватно соотносено с объективным миром. Аналогично настроение часто создается вне контроля сознания – бессознательно; но это не означает, конечно, что человек не осознает того, в каком он настроении, и что настроение человека не зависит от того, что и как он осознает; это означает лишь, что человек часто не осознает именно этой зависимости, и неосознанность его переживания заключается именно в том, что она как раз не попадает в поле его сознания. Точно так же, когда говорят, что человек поступает несознательно или что он несознательный, это означает, что человек не сознает не свой поступок, а последствия, которые его поступок должен повлечь, или, точнее, он не осознает свой поступок, поскольку он не осознает вытекающих из него последствий; он не осознает, что он сделал, пока он не осознал, что означает его поступок в той реальной обстановке, в которой он его совер-

шает. Таким образом, и здесь «механизм», или процесс, осознания во всех этих случаях в принципе один и тот же: осознание совершается через включение переживания совершаемого субъектом акта или события в объективные предметные связи, его определяющие. Но совершенно очевидно, что число этих связей принципиально бесконечно; поэтому не существует неограниченной, исчерпывающей осознанности. Ни одно переживание не выступает вне всяких связей и ни одно не выступает в сознании сразу во всех своих предметных связях, в отношении ко всем сторонам бытия, с которыми оно объективно связано. Поэтому сознание, реальное сознание конкретного индивида никогда не является «чистой», т. е. абстрактной, сознательностью; оно всегда – единство осознанного и неосознанного, сознательного и бессознательного, взаимопереплетенных и взаимосвязанных множеством взаимопереходов. Поскольку, однако, человек как существо мыслящее выделяет существенные связи, ведущим в этом единстве оказывается у человека его сознательность. Мера этой сознательности бывает все же различной. При этом осознанное и неосознанное отличается не тем, что одно лежит целиком в «сфере» сознания, а другое во все вне его, и не только количественной мерой степени интенсивности или ясности осознания. Осознанный или неосознанный, сознательный или несознательный характер какого-нибудь акта существенно определяется тем, что именно в нем осознается. Так, я могу совершенно не осознавать ав-

томатизированного способа, которым я осуществил то или иное действие, значит, самого процесса его осуществления, и тем не менее никто не назовет из-за этого такое действие несознательным, если осознана цель этого действия. Но действие назовут несознательным, если не осознано было существенное последствие или результат этого действия, который при данных обстоятельствах закономерно из него вытекает и который можно было предвидеть. Когда мы требуем сознательного усвоения знаний, мы не предполагаем, что знания, усвоенные – пусть несознательно, находятся вне сознания так или иначе освоившего их индивида. Смысл, который мы вкладываем при этом в понятие сознательности, иной: то или иное положение усвоено сознательно, если оно осознано в системе тех связей, которые делают его обоснованным; несознательно, механически усвоенные знания – это прежде всего знания, закрепленные в сознании вне этих связей; не осознано не само по себе положение, которое мы знаем, а обосновывающие его связи, или точнее: то или иное положение знания не осознано, или усвоено несознательно, если не осознаны объективные связи, которые делают его обоснованным. Его осознание совершается через осознание того предметного контекста, к которому он объективно относится. Для того чтобы осознать, или сознательно усвоить, то или иное положение, надо осознать те связи, которые его обосновывают. Это первое. И второе: когда мы говорим о сознательном усвоении знаний, мы имеем в виду такое усвоение

знаний, при котором именно результат усвоения является сознательной целью индивида, в отличие от тех случаев, когда усвоение знаний происходит в результате деятельности, исходящей из посторонних мотивов, как то: получение какой-либо награды и т. п., так что усвоение знаний, будучи результатом деятельности индивида, не осознается им как ее цель. Поскольку данный личностно-мотивационный план не затрагивает непосредственно предметно-смыслового содержания знаний, можно, пожалуй, сказать, что здесь решающим является то, *как нечто* осознается, хотя и в данном случае в конечном счете речь идет все же о том, *что* именно оказывается осознанным.

Недаром сознательным в специфическом смысле слова называют человека, способного осознать объективную, общественную значимость своих целей и мотивов и руководствоваться именно ею.

Мы наметили, таким образом, «механизм» осознания. Бессознательное влечение переходит в осознанное, когда осознан объект, на который оно направляется. Осознание влечения происходит, таким образом, опосредованно через связь с предметом влечения. Точно так же осознать свое чувство значит не просто испытать связанное с ним волнение, неизвестно чем вызванное и что означающее, а соотнести его надлежащим образом с тем предметом или лицом, на которое оно направляется. Таким образом, наши собственные переживания познаются и осознаются опосредованно через

отношение их к объекту. (Этим объясняется и то, что данные интроцепции (см. дальше) остаются обычно «подсознательными».) Но осознание одного и неосознание другого содержания имеет обычно за собой те или иные мотивы, а не объясняется только неопытностью, незнанием и т. п. негативными основаниями. Неосознание (или неадекватное осознание) именно данного влечения, чувства, поступка и т. д. обусловлено обычно тем, что его осознанию противодействуют динамические тенденции, силы, исходящие из того, что оказывается значимым для индивида, включая нормы идеологии и общественные оценки, которыми руководствуется индивид. Заключенные в переживаниях тенденции, зависящие от того, что оказывается значимым для личности, контролируют таким образом в той или иной мере избирательный процесс их осознания.

Психика и сознание

Психическое имеет двоякую форму существования. Первая, объективная, форма существования психического выражается в жизни и деятельности: это первичная форма его существования. Вторая, субъективная, форма существования психического – это рефлексия, интроспекция, самосознание, отражение психического в самом себе: это вторичная, генетически более поздняя форма, появляющаяся у человека. Представители интроспективной психологии, опре-

деляя психическое как явление сознания, считая, что бытие психического исчерпывается его данностью сознанию или представленностью в нем, ошибочно принимали эту вторичную форму существования или проявления психического за первичную, или, вернее, единственную форму его существования: сознание сводилось к самосознанию или выводилось из него.

Между тем ощущения, восприятия, представления, образующие как бы состав психики, и соответствующие психические процессы – это не то, *что* первично осознается, а то, посредством чего нечто – предмет – осознается. Сознание первично не означает смотрение внутрь на ощущения, восприятия и т. д., а смотрение ими или посредством них на мир, на его предметное бытие, порождающее эти ощущения и восприятия. Специфично для сознания как такового, в его отличие от психики в целом, предметное *значение*, смысловое, *семантическое* содержание, носителем которого являются психические образования. Семантическое же содержание сознания сформировалось у человека в процессе порождения у него языка, речи; оно сложилось в процессе общественно-исторического развития; семантическое содержание сознания – это *общественное* образование. Таким образом, сознание индивида размыкается не только по отношению к предметному миру, но вместе с тем и по отношению к общественному сознанию. Сама связь сознания с предметным миром, реализуемая его семантическим содер-

жанием, опосредована его общественной сущностью.

Поскольку психическое, внутреннее определяется посредством своего отношения к внешнему, оно не «чистая», т. е. абстрактная, непосредственность, каковой она обычно представляется, а единство непосредственного и опосредованного. Между тем для идеалистической интроспективной психологии сознания всякий психический процесс есть то, чем он непосредственно представляется сознанию переживающего его субъекта; бытие психического исчерпывающе определяется его непосредственной данностью сознанию; оно поэтому превращается в сугубо личностное достояние: каждому субъекту даны только явления его сознания, и явления его сознания даны только ему; стороннему наблюдателю они принципиально недоступны; они замыкаются во внутреннем мире, доступном лишь для самонаблюдения, или интроспекции; психология должна поэтому изучать психические явления в пределах того индивидуально-го сознания, которому они непосредственно даны; сущность и явление будто бы совпадают в области психологии, т. е. собственно в ней сущность будто бы непосредственно сводится к явлению: все психическое – это лишь феноменальное, лишь явление сознания. Между тем в действительности бытие психического вовсе не исчерпывается его данностью сознанию субъекта, рефлектирующего свои переживания. Психические факты – это прежде всего реальные свойства индивида и реальные процессы, выявляющиеся в его

деятельности. Реальный биологический смысл возникновения и развития психики в процессе эволюции в том именно и заключался, что развитие психики животных, обусловленное изменением их взаимоотношений со средой, в свою очередь приводило к изменению этих взаимоотношений и их поведения. Развитие сознания у человека в процессе развития трудовой деятельности было и следствием и предпосылкой развития высших специфически человеческих форм деятельности. Психика не бездействующее сопутствующее явление реальных процессов; она *реальный* продукт эволюции; ее развитие вносит *реальные* и все более существенные изменения в *реальное* поведение.

Если проанализировать традиционную психологическую концепцию, то в основе ее как определяющее ее положение раскрывается принцип непосредственной данности психического. Это по существу радикально-идеалистический тезис: все материальное, физическое, внешнее дано опосредованно через психику, психическое же переживание субъекта – единственная, первичная, непосредственная данность. Психическое как явление сознания замкнуто во внутреннем мире, оно исчерпывающе определяется своим отношением к самому себе, независимо от каких-либо опосредующих отношений к чему-либо внешнему.

Исходя именно из этой предпосылки, крайние и в сущности единственно последовательные представители интроспективной психологии утверждали, что показания созна-

ния, данные интроспекции абсолютно достоверны. Это значит, что нет инстанции, способной их опровергнуть, что справедливо в той же мере, как и то, что нет инстанции, способной их подтвердить, поскольку они ни с чем объективным, вне их лежащим, не соотнесены. Если психическое есть чистая непосредственность, не определенная в собственном своем содержании объективными опосредованиями, то нет вообще объективной инстанции, которая могла бы проверить показания сознания; возможность проверки, отличающая знание от веры, в психологии отпадает; она для самого субъекта так же невозможна, как и для постороннего наблюдателя; тем самым становится невозможной психология как объективное знание, как наука. И тем не менее эта концепция психического, по существу исключаящая возможность объективного психологического познания, определила все, в том числе и резко враждебные интроспективной психологии, психологические системы. В своей борьбе против сознания представители поведенчества – американского и российского – всегда исходили из того его понимания, которое установили интроспекционисты. Вместо того чтобы в целях реализации объективизма в психологии преодолеть интроспекционистскую концепцию сознания, поведенчество отбросило сознание, потому что ту концепцию сознания, которую оно нашло в готовом виде у своих противников, оно приняло как нечто непреложное, как нечто, что можно либо взять, либо отвергнуть, но не изменить.

Традиционная идеалистическая концепция, господствовавшая в психологии в течение столетий, может быть сведена к нескольким основным положениям: А) Психическое определяется исключительно своей принадлежностью субъекту. Декартовское «*cogito ergo sum*» («я мыслю, следовательно, я существую») говорит о том, что даже мышление относится только к мыслящему субъекту, безотносительно к объекту, который им познается. Это положение остается неизменным для всей традиционной психологии. Психическое для нее прежде всего проявление субъекта. Это первое положение неразрывно связано со вторым. Б) Весь объективный материальный мир дан опосредованно через психику в явлениях сознания. Но психическое – это непосредственная данность; его бытие исчерпывается его данностью сознанию. Непосредственный опыт составляет предмет психологии как для Р. Декарта, так и для Дж. Локка – при всем различии в остальном их философских взглядов; как для В. Вундта, так и для современных гештальтпсихологов. В) В результате сознание превращается в более или менее замкнутый внутренний мир переживания или внутреннего опыта, который раскрывается лишь в самонаблюдении, или интроспекции.

Этим положениям традиционной идеалистической концепции сознания мы противопоставляем другие, в которых может быть резюмирована наша концепция. А) Сознание – это специфическая форма отражения объективной действительности, существующей вне и независимо от сознания, по-

этому психический факт не определяется однозначно одним лишь отношением к субъекту, переживанием которого он является. Он предполагает отношение к объекту, который в нем отражается. Будучи выражением субъекта и отражением объекта, сознание – это единство переживания и знания. Б) Психическое переживание – непосредственная данность, но познается и осознается оно опосредованно через свое отношение к объекту. Психический факт – единство непосредственного и опосредованного. В) Психическое не сводимо к одному лишь «явлению сознания», к его отражению в себе самом. Сознание человека – не замкнутый внутренний мир. В своем собственном внутреннем содержании оно определяется посредством своего отношения к объективному миру. Сознание субъекта не сводимо к чистой, т. е. абстрактной, субъективности, извне противостоящей всему объективному. Сознание – это осознанное бытие, единство субъективного и объективного.

В радикальном противоречии со всей идущей от Декарта идеалистической психологией, которая признавала явления сознания непосредственной данностью, центральным в психологии должно быть признано то положение, что психическое включено в связи, выходящие за пределы внутреннего мира сознания, опосредовано отношениями к внешнему, предметному миру и лишь на основе этих отношений может быть определено. Сознание всегда является осознанным бытием. Сознание предмета определяется через свое отноше-

ние к предмету сознания. Оно формируется в процессе общественной практики. Опосредование сознания предметом – это реальная диалектика исторического развития человека. В продуктах человеческой – по существу своему общественной – деятельности сознание не только проявляется, через них оно и формируется.

Отношение сознания, психики к бытию никак не может быть сведено к одному лишь отношению теоретического субъекта к объекту. Оно включает и практическое отношение. Сознание не только знание и отображение – рефлексия бытия, но и практическое отношение к нему субъекта.

Чисто теоретическое сознание – абстракция; свою реальную основу эта абстракция получает только на высших ступенях развития, когда с выделением из практической деятельности деятельности теоретической впервые выделяется теоретическое сознание как относительно самостоятельное производное образование, связанное с специфической установкой субъекта на познание. Теоретическое отношение – отношение производное; первичным и определяющим является, как правило, отношение практическое, которое в конечном счете охватывает и пронизывает теоретическую деятельность сознания. Это сказывается во всем строении сознания. Сознание по глубочайшему своему существу не только созерцание, отображение, рефлексия, но также отношение и оценка, признание и отвержение, утверждение и отрицание, стремление и отвержение и т. д. Сознание человека

– это свидетельство и производный компонент его реальной жизни. Содержание и смысл сознания как реального психологического образования определяется контекстом жизни – реальными жизненными отношениями, в которые включен человек, его делами и поступками.

Сознание выражает бытие индивида. Каждый же индивид, и человек в принципе, связан с окружающим его миром и нуждается в нем. Эта реальная, материальная, практическая связь человека и каждого живого существа с миром выражается в многообразной системе сил, динамических тенденций. Их порождает в индивиде то, что оказывается значимым для него в мире. Значимое для человека, для личности как общественного индивида не сводится к одному лишь личностному, только партикулярно-личностно-значимому, оно включает и общественно-значимое, всеобщее, которое, становясь значимым для личности и в этом смысле личностно-значимым, не перестает от этого оставаться общественно-значимым.

Практическое сознание человека как общественного существа – это в высших своих проявлениях нравственное сознание. Общественно-значимое, переходя в личностно-значимое для человека, порождает в нем динамические тенденции должноствоания, далеко выходящие за пределы динамических тенденций только личностных влечений. Противоречивое единство одних и других определяет мотивацию человеческого поведения.

Психика и деятельность

Всякое действие человека исходит из тех или иных *мотивов* и направляется на определенную *цель*; оно разрешает ту или иную *задачу* и выражает определенное отношение человека к окружающему. Оно вбирает в себя, таким образом, всю работу сознания и всю полноту непосредственного переживания. Каждое самое простое человеческое действие – реальное физическое действие человека – является неизбежно вместе с тем и каким-то психологическим актом, более или менее насыщенным переживанием, выражающим отношение действующего к другим людям, к окружающим. Стоит только попытаться обособить переживание от действия и всего того, что составляет его внутреннее содержание, – мотивов и целей, ради которых человек действует, задач, которые его действия определяют, отношения человека к обстоятельствам, из которых рождаются его действия, – чтобы переживание неизбежно исчезло вовсе. Жизнью подлинных больших переживаний живет только тот, кто занят непосредственно не своими переживаниями, а реальными, жизненно значимыми делами, – так же как обратно – подлинные, сколько-нибудь значимые в жизни человека деяния всегда исходят из переживания. Когда специально ищут переживание, находят пустоту. Но пусть человек отдастся действию – глубокому, жизненному – и переживания нахлынут на него.

Переживание рождается из поступков, в которых завязываются и развязываются отношения между людьми, – как и сами поступки, особенно такие, которые становятся существенными обстоятельствами в жизни человека, рождаются из переживаний. Переживание – и результат и предпосылка действия, внешнего или внутреннего. Взаимопроникая и питая друг друга, они образуют подлинное единство, две друг в друга взаимопереходящие стороны единого целого – жизни и деятельности человека.

Формируясь в деятельности, психика, сознание в деятельности, в поведении и проявляется. Деятельность и сознание – не два в разные стороны обращенных аспекта. Они образуют органическое целое – не тожество, но единство. Движимый каким-нибудь влечением, человек будет действовать иначе, когда он осознает его, т. е. установит объект, на который оно направлено, чем действовал, пока он его не осознал. Сам факт осознания своей деятельности изменяет условия ее протекания, а тем самым также течение и характер самой деятельности; она перестает быть простой совокупностью ответных реакций на внешние раздражители среды; она по-иному регулируется; закономерности, которым она подчиняется, выходят за пределы одной лишь физиологии; ее объяснение требует раскрытия и учета психологических закономерностей. С другой стороны, анализ человеческой деятельности показывает, что сама *осознанность* или *неосознанность* того или иного действия зависит от отношений,

которые складываются в ходе самой деятельности. В ходе деятельности входящее в состав его действие осознается, когда частичный результат, который им достигается, превращается в прямую цель субъекта, и перестает осознаваться, когда цель переносится дальше и прежнее действие превращается лишь в способ осуществления другого действия, направляемого на более общую цель: по мере того как более мелкие частные задачи приобретают относительную самостоятельность, действия, на них нацеленные, становятся сознательными; по мере того как они вбираются в более обширные общие задачи, действия, на них направленные, выключаются из сознания, переходят в подсознательное. *Таким образом, сознание включается и выключается в зависимости от отношений – между задачами и способами их осуществления, – которые складываются в самом процессе деятельности.* Сознание не является внешней силой, которая *извне* управляет деятельностью человека. Будучи предпосылкой деятельности, сознание вместе с тем и ее результат. Сознание и деятельность человека образуют подлинное единство.

Сознательное действие – это не действие, которое *сопровождается* сознанием, которое *помимо* своего объективного обнаружения имеет еще субъективное выражение. Сознательное действие отличается от неосознанного в самом своем объективном обнаружении: его структура иная и иное его отношение к ситуации, в которой оно совершается; оно ина-

че протекает. Определение деятельности человека в отрыве от его сознания так же невозможно, как определение его сознания в отрыве от тех реальных отношений, которые устанавливаются в деятельности. Так же как явление сознания не может быть однозначно определено вне своего отношения к предмету, так и акт поведения не может быть однозначно определен вне своего отношения к сознанию. *Одни и те же* движения могут означать *различные* поступки, и *различные* движения – *один и тот же* поступок. Внешняя сторона поведения не определяет его однозначно, потому что акт деятельности сам является единством внешнего и внутреннего, а не только внешним фактом, который лишь внешним образом соотносится с сознанием. Акт человеческой деятельности – это сложное образование, которое, не будучи только психическим процессом, выходя за пределы психологии в области физиологии, социологии и т. д., внутри себя включает психологические компоненты. Учет этих психологических компонентов является необходимым условием раскрытия закономерностей поведения. Бихевиористское понимание поведения должно быть так же радикально преодолено, как и интроспективное понимание сознания.

Поведение человека не сводится к простой совокупности *реакций*, оно включает систему более или менее сознательных *действий* или *поступков*. Сознательное действие отличается от реакции иным отношением к объекту. Для реакции предмет есть лишь раздражитель, т. е. внешняя причи-

на или толчок, ее вызывающий. Действие – это сознательный акт деятельности, который направляется на объект. Реакция преобразуется в сознательное действие по мере того, как формируется предметное сознание. Действие, далее, становится *поступком* по мере того, как и отношение действия к действующему субъекту, к самому себе и к другим людям как субъектам, поднявшись в план сознания, т. е. превратившись в сознательное отношение, начинает регулировать действие. Поступок отличается от действия иным отношением к субъекту. Действие становится поступком по мере того, как формируется самосознание. Генезис поступка и самосознания – это сложный, обычно внутренне противоречивый, но единый процесс, так же как таким же единым процессом является генезис действия как сознательной операции и генезис самого предметного сознания. Различные уровни и типы сознания означают вместе с тем и различные уровни или типы поведения (реакция, сознательное действие, поступок). Ступени в развитии сознания означают изменения внутренней природы действия или актов поведения, а изменение их внутренней природы есть вместе с тем и изменение психологических закономерностей их внешнего объективного протекания. Поэтому структура сознания может быть определена и по внешнему, объективному протеканию действия. Преодоление бихевиористской концепции поведения является вместе с тем и преодолением интроспективной концепции сознания.

Наша психология включает, таким образом, в область своего изучения и определенный, а именно *психологический* аспект или сторону деятельности или поведения. Путь нашей психологии не может заключаться в том, чтобы вернуться к изучению психики, оторванной от деятельности, существующей в замкнутом внутреннем мире. Ошибка поведенческой психологии заключалась не в том, что она и в психологии хотела изучать человека в деятельности, а в том, как она понимала эту деятельность, и в том, что она хотела деятельность человека в целом подчинить закономерностям биологизированной психологии. Психология не изучает поведение в целом, но она изучает *психологические* особенности деятельности. Наше понимание деятельности, психологические особенности которой изучает психология, при этом так же радикально отличается от механистического понимания поведения, как наше понимание психики от ее субъективно-идеалистической трактовки.

Решение вопроса не может заключаться в том, чтобы дать «синтез» одной и другой концепции. Такой «синтез», поскольку он утверждал бы, что нужно изучать и деятельность и сознание, объективное обнаружение поведения и, помимо того, его субъективное выражение, фактически неизбежно привел бы к объединению механистического понимания деятельности с идеалистическим пониманием сознания. Подлинного единства сознания и поведения, внутренних и внешних проявлений можно достигнуть не внешним, ме-

ханическим объединением интроспективного идеалистического учения о сознании и механистического бихевиористского учения о поведении, а лишь радикальным преодолением как одного, так и другого.

Единство сознания и поведения, внутреннего и внешнего бытия человека раскрывается для нас в самом их содержании.

Всякое переживание субъекта всегда и неизбежно является, как мы видим, переживанием чего-то и знанием о чем-то. Сама внутренняя его природа определяется опосредованно через отношение его к внешнему, объективному миру. Я не могу сказать, что я переживаю, не соотнеся своего переживания с объектом, на который оно направлено. Внутреннее, психическое неопределимо вне соотнесения с внешним, объективным. С другой стороны, анализ поведения показывает, что внешняя сторона акта не определяет его однозначно. Природа человеческого поступка определяется заключенным в нем отношением человека к человеку и окружающему его миру, составляющим его внутреннее содержание, которое выражается в его мотивах и целях. Поэтому не приходится соотносить поведение как нечто лишь внешнее с сознанием как чем-то лишь внутренним; поведение само уже представляет собою единство внешнего и внутреннего, так же как, с другой стороны, всякий внутренний процесс в определенности своего предметно-смыслового содержания представляет собой единство внутреннего и внешнего, субъ-

ективного и объективного.

Таким образом, единство сознания и деятельности или поведения основывается на единстве сознания и действительности или бытия, объективное содержание которого опосредует сознание, на единстве субъекта и объекта. Одно и то же отношение к объекту обуславливает и сознание и поведение, одно – в идеальном, другое – в материальном плане. Этим в самой основе своей преодолевается традиционный картезианский дуализм.

Психофизическая проблема

Принадлежность каждого психического процесса конкретному индивиду, в жизнь которого он включается как его переживание, и отношение его к внешнему предметному миру, который он отражает, свидетельствуют о связи психического с физическим и ставят так называемую *психофизическую проблему*, т. е. вопрос о взаимоотношении психического и физического.

Различное решение этого вопроса служит основным водоразделом между материализмом и идеализмом. Материализм утверждает первичность материи и рассматривает психику, сознание, дух, идею как нечто производное; идеализм разных видов и толков, наоборот, утверждает первенство и независимость идеи, духа, сознания, психики.

С тех пор как Декарт резко противопоставил друг дру-

гу материю и дух как две различные субстанции, психофизическая проблема приобрела особенную остроту. В принципе, в философском плане душа и тело, психика и организм были дуалистически разъединены. Между тем факты сначала обыденной жизни, а затем и данные все более углубленного научного исследования на каждом шагу свидетельствовали о наличии между ними определенных взаимоотношений. Особенно яркие доказательства взаимосвязи психики и организма дали генетическое исследование и патология. Изучение развития нервной системы в филогенезе с показательной ясностью вскрыло соответствие между уровнем развития центральной нервной системы и психики. Изучение патологических случаев, особенно нарушения деятельности различных участков коры больших полушарий головного мозга, которые влекли за собой выпадение или нарушение психических функций, с полной доказательностью установило зависимость, существующую между психикой и деятельностью коры. Наконец, и в пределах нормального функционирования организма многообразно обнаруживается взаимосвязь в изменении физиологических и психологических функций. Эти факты нужно было теоретически интерпретировать, чтобы согласовать их с философскими предпосылками. В этих целях на основе дуалистических предпосылок, установленных Декартом, были выдвинуты две основные теории: теория психофизического параллелизма и теория взаимодействия.

Обе эти теории исходят из внешнего противопоставления психических и физических процессов; в этом противопоставлении и заключается их основной порок.

Теория психофизического параллелизма утверждает, что психическое и физическое составляют два ряда явлений, которые, с одной стороны, звено за звеном соответствуют друг другу и вместе с тем, как параллельные линии, никогда не пересекаются, т. е. не сплетаются и не воздействуют реально друг на друга.

Учение о психофизическом параллелизме соединялось с различными философскими концепциями – начиная от метафизического идеализма (панпсихизм – учение о всеобщем одушевлении) и кончая механистическим материализмом (эпифеноменализм – сознание как нереальное сопутствующее явление). В соответствии с этим философская интерпретация теории изменялась, но основная идея о том, что психические и физические явления образуют два различных ряда явлений, друг другу соответствующих, но друг на друга не воздействующих, сохраняется и определяет понимание взаимоотношения психического и физического, господствовавшее у большинства психологов последнего времени. Некоторые психологи принимали при этом одно – однозначное соответствие между психическим и физическим, т. е. предполагали, что как каждое психическое явление соответствует физическому, так и обратно, каждому физическому явлению соответствует психическое. Эта теория универсаль-

ного психофизического параллелизма приводит к панпсихизму (Фехнер, Паульсен; у нас Бехтерев). Но большинство психологов, остающихся в рамках науки, а не метафизики, говорит о соответствии психических и физических явлений, утверждает лишь, что каждое психическое явление соответствует физическому, не утверждая в универсальной форме обратного положения. Теория психофизического параллелизма на основе механистического материализма превращает психику, сознание в эпифеномен, в бездейственное сопутствующее явление реальных физических процессов, лишая их таким образом всякой действенности и реальности.

Джемс назвал эту разновидность психофизического параллелизма теорией автоматизма. Со свойственной ему яркой образностью он характеризует ее следующим образом: «Согласно теории автоматизма, – говорит он, – если бы мы знали в совершенстве нервную систему Шекспира и абсолютно все условия окружающей его среды, то мы могли бы показать, почему в известный период его жизни его рука исчертила какими-то неразборчивыми мелкими черными значками известное число листов, которое мы для краткости называем рукописью “Гамлета”. Мы могли бы объяснить причину каждой помарки и переделки: мы все б это поняли, не предполагая притом в голове Шекспира решительно никакого сознания. Слова и фразы мы будем при этом рассматривать не как знаки известных идей, а просто как чисто внешние факты. Подобным же образом теория автома-

тизма утверждает, что мы могли бы написать подробнейшую биографию тех 200 фунтов, или около того, тепловатой массы организованного вещества, которая называлась Мартин Лютер, не предполагая, что она когда-нибудь что-либо ощущала. Но, с другой стороны, ничто не мешало бы нам дать столь же подробный отчет о душевной жизни Лютера или Шекспира, такой отчет, в котором нашел бы место каждый проблеск их мысли и чувства. Тогда душевная жизнь человека представилась бы нам протекающей рядом с телесной, причем каждому моменту одной соответствовал бы известный момент в другой, но между тем и другим не было бы никакого взаимодействия. Так мелодия, льющаяся со струн арфы, не замедляет и не ускоряет колебания последних; так тень пешехода сопровождает его, не влияя на скорость его шагов».

Жизнь человека, таким образом, разлагается на две разнородные составные части. Каждый человек живет в двух различных планах; у него две параллельные жизни: одна – реальная жизнь его действий, которая протекает у него, как у автомата, совершенно независимо от того, что у него есть сознание; другая – жизнь его переживаний, лишенных какого-либо действенного значения. Сознание оказывается лишь эпифеноменом, побочным явлением реальных физических процессов, лишенным какого бы то ни было действенного значения. Поскольку только действующее заслуживает названия действительного, такая бездейственная психика вряд

ли могла бы быть признана действительной.

Теория психофизического параллелизма совершает двойную ошибку. Ошибочным является как то, что она дуалистически противопоставляет психические и физические явления в качестве двух чуждых друг другу рядов явлений, так и то, что она при этом предполагает между ними однозначное соответствие в духе старых локализационных теорий, согласно которым существует точечное соответствие психических процессов – даже самых сложных – и физиологических процессов в определенной нервной клетке. Несостоятельность этой локализационной теории, являющейся конкретной реализацией психофизического параллелизма, доказывается всеми современными данными научного экспериментального и клинического исследования.

Не более удовлетворительна по существу и *теория взаимодействия*. Многообразные факты, свидетельствующие, с одной стороны, о том, что с физиологическими изменениями в организме часто связаны и изменения в области психики и что, с другой стороны, при психических процессах, например сильных эмоциях, наблюдается и ряд физиологических изменений в организме, легче всего укладывались в схему взаимодействия. На языке обыденной жизни соотношение между психическим и физическим обычно выражается в форме наивной теории взаимодействия. Ряд психологов, которые, чувствуя неудовлетворительность теории параллелизма, оказались не в состоянии преодолеть те дуали-

стические предпосылки, на которых она покоится, попытались признать эту ходячую концепцию о психофизическом взаимодействии принципиальным теоретическим разрешением вопроса о взаимоотношении психических и физических процессов. Однако теоретически эта концепция явно несостоятельна. Основная ее ошибка, общая у нее с теорией психофизического параллелизма, заключается в том, что она остается на дуалистических позициях, признавая психическое и физическое (в частности, физиологическое) двумя внешними, друг для друга разнородными сущностями или явлениями. Так же как в теории психофизического параллелизма, человек и всякий наделенный психикой организм расчленяется на два разнородных компонента, хотя при этом и признается, что эти компоненты внешне взаимодействуют друг с другом. Взаимоотношение психического и физического мыслится по схеме чисто внешнего, грубо механического взаимодействия. Борьба сторонников теории взаимодействия против превращения сознания человека в лишенный действенного значения «эпифеномен», к которому приходит теория психофизического параллелизма, в принципе могла бы быть вполне правомерной, но на основе дуалистических предпосылок теории взаимодействия она приводит к совершенно неправомерному представлению о том, будто психические силы извне воздействуют на течение физиологических процессов. Неизбежным следствием признания такого внешнего включения психических причин в физиче-

ские процессы явилось бы отрицание закономерности физических явлений. Несостоятельность как теории параллелизма, так и теории внешнего взаимодействия психического и физического обнаруживает невозможность дать теоретически удовлетворительное разрешение психофизической проблемы на основе дуалистической концепции.

Этим дуалистическим теориям, господствовавшим в традиционной психологии, противопоставляются теории тождества. Теории тождества сводят психическое к физическому или, наоборот, физическое к психическому.

Сведение психического к физическому лежит в основе поведенческой психологии. С точки зрения этой механистической психологии данные сознания могут быть безостаточно сведены к физиологическим процессам и в конце концов описаны в тех же терминах механики и химии, что и физические данные; они не являются своеобразным видом существования. Это позиция вульгарного механистического материализма. Она совершенно не в состоянии объяснить те в высшей степени сложные взаимоотношения между мозгом и психикой, которые раскрыла современная психоневрология.

Наряду с этой механистической теорией выступает и идеалистическая теория тождества в духе феноменализма или откровенного спиритуализма.

В противовес как дуализму, противопоставляющему психическое и физическое, так и учению о тождестве психического и физического в духе механистического материализма

у одних, спиритуализма у других, советская психология исходит из их единства, внутри которого и психическое и физическое сохраняют свои специфические свойства.

Принцип психофизического единства – первый основной принцип советской психологии. Внутри этого единства определяющими являются материальные основы психики; но психическое сохраняет свое качественное своеобразие; оно не сводится к физическим свойствам материи и не превращается в бездейственный эпифеномен.

Признанием этих общих философских положений дело психологии в разрешении психофизической проблемы не заканчивается. Недостаточно признать принцип психофизического единства как руководящее начало, надо конкретно реализовать его. Это трудная задача: об этом свидетельствуют многократные попытки как со стороны психологов, так и со стороны физиологов разрешить эту задачу.

При разрешении психофизической проблемы необходимо вскрыть, с одной стороны, органически-функциональную зависимость психики от мозга, от нервной системы, от органического «*субстрата*» психофизических функций: психика, сознание, *мысль* – «*функции мозга*»; с другой – в соответствии со специфической природой психики как отражения бытия – необходимо учесть зависимость ее от объекта, с которым субъект вступает в действенный и познавательный контакт: *сознание – осознанное бытие*. Мозг, нервная система составляют материальный субстрат психики, но для

психики не менее существенно отношение к материальному объекту, который она отражает. Отражая бытие, существующее вне и независимо от субъекта, психика выходит за пределы внутриорганических отношений.

Вульгарный материализм пытается свести решение психофизической проблемы к одной лишь первой зависимости. В результате приходят к представлению об однозначной детерминированности сознания изнутри одними лишь внутриорганическими зависимостями. В какие бы модные одежды такая трактовка психофизической проблемы ни рядилась, принципиально она не выходит за пределы старой мудрости Л. Бюхнера и Я. Мошотта. Вместе с Д. И. Писаревым и его западноевропейскими единомышленниками, отождествившими мышление с выделением желчи и мочи, вульгарные материалисты забывают о специфике психики; являясь отражением мира, она принципиально выходит за пределы лишь внутриорганических отношений¹. Поскольку психика – отражение действительности, поскольку сознание – это осознанное бытие, они не могут не детерминироваться также своим объектом, предметным содержанием мысли, осознаваемым бытием, всем миром, с которым человек вступает в действенный и познавательный контакт, а не только лишь одними отправлениями его организма как таковыми.

---

¹ К. Маркс очень ярко это выразил, говоря о глазах и ушах, что это «органы, которые отрывают человека от его индивидуальности, превращая его в зеркало и эхо вселенной» (*Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. I. 1929. С. 180; Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 75*).

Иногда – особенно отчетливо у Б. Спинозы – этот второй гносеологический аспект психофизической проблемы, выражающийся в зависимости сознания от объекта, вытесняет или подменяет первую функционально-органическую связь психики с ее «субстратом».

Единство души и тела с точки зрения Спинозы основывается на том, что тело индивида является объектом его души. В попытке так установить психофизическое единство реальная связь структуры и функции подменяется идеальной, гносеологической связью идеи и ее объекта.

В отличие как от одной, так и от другой из этих попыток разрешить психофизическую проблему в плане только одной из этих двух зависимостей, действительное ее разрешение требует включения обеих.

Первая связь психики и ее субстрата раскрывается как отношение строения и функции; она, как будет видно дальше, определяется положением о единстве и взаимосвязи строения и функции. Вторая связь – это связь сознания как отражения, как знания, с объектом, который в нем отражается. Она определяется положением о единстве субъективного и объективного, в котором внешнее, объективное определяется и опосредуется внутренним, субъективным. Речь при этом, очевидно, не может идти о рядоположном существовании двух разнородных и между собой никак не связанных детерминаций. Ведущая роль принадлежит здесь связи индивида с миром, с которым он вступает в действенный и по-

знавательный контакт.

Оба выделенные анализом соотношения, детерминирующие психику, включаются в единый контекст, которым они в целом и определяются. Для разрешения психофизической проблемы особенно существенно правильно их соотнести.

Психический процесс, который принципиально не сводится к только нервному физиологическому процессу, выступает по большей части как действие, направленное на разрешение задачи, предмет и условия которой заданы прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно предметным миром. Природа этой задачи определяет характер неврологических механизмов, которые включаются в процесс ее разрешения.

Это положение отчетливо выступает, например, в правильно поставленном психофизиологическом исследовании движения, которое показывает, что с изменением задачи, которая разрешалась движением, отношения к ней со стороны субъекта, его мотивации, составляющей внутреннее *психологическое* содержание действия, изменяется также *неврологический* уровень и механизмы осуществляющего его движения (см. главу о движении). Действие человека является подлинным психофизическим единством. Таким образом, в плане конкретного исследования преодолеваются вульгарные представления, насквозь пронизанные традиционным дуализмом, согласно которым психические моменты в человеческой деятельности будто бы являются внешними сила-

ми, извне управляющими движением, а это последнее – чисто физическим образованием, для физиологической характеристики которого безразличен тот психофизический контекст, в который оно включено.

Лишь в таком единстве обоих соотношений, в которые включается психика, перестраивается понимание каждого из них, до конца преодолевается психофизический дуализм, непреодолимый, пока каждое из них берется порознь, причем психика, соотносясь, неизбежно противопоставляется мозгу, субстрату или объекту. На самом деле мы в конечном счете имеем не два равноправных и внеположных соотношения. Одно из них в действительности включено в другое и в свою очередь определяет его.

В ходе развития строение мозга обуславливает возможные для данного индивида формы поведения, его образа жизни; в свою очередь образ жизни обуславливает строение мозга и его функции. Ведущим, определяющим является при этом развитие образа жизни, в процессе перестройки и изменения которого происходит развитие организмов и их органов – в том числе мозга – заодно с их психофизическими функциями.

С изменением форм существования – особенно при переходе от биологических форм существования и жизнедеятельности животных к историческим формам общественно-исторической деятельности у человека – изменяются материальные основы, определяющие психику, и она сама. С

переходом от биологического развития к историческому у человека психика переходит на новую, высшую, ступень. Этой высшей, качественно специфической ступенью в развитии психики является сознание человека.

С развитием у человека трудовой деятельности, которая материализуется в определенных продуктах, сознание человека, формирующееся и развивающееся в процессе этой деятельности, опосредуется предметным бытием исторически создаваемой материальной и духовной культуры. Будучи «продуктом мозга», сознание становится *историческим* продуктом. Генезис сознания неразрывно связан со становлением человеческой личности, с выделением ее из окружающего и противопоставлением ей окружающего как предметного мира, объекта ее деятельности. Становление предметного сознания, при котором субъект противопоставляется объекту, является по существу не чем иным, как идеальным аспектом становления личности как реального субъекта общественной практики. Сознание предполагает возможность индивиду выделить себя из природы и осознать свое отношение к природе, к другим людям и к самому себе. Оно зарождается в процессе материальной деятельности, изменяющей природу, и материального общения между людьми. Получая в *речи*, в языке форму реального практического существования, сознание человека развивается как продукт общественной жизни индивида.

Появление психики и развитие новых форм ее всегда свя-

зано с появлением и развитием новых форм жизни, новых форм существования. Так, в частности, появление и развитие сознания – этой высшей специфически человеческой формы психики – связано с развитием общественной жизни.

Предмет и задачи психологии как науки

Уяснение природы психического выясняет вместе с тем теоретические задачи психологии, специфические задачи психологического познания. Анализ любого психического явления показывает, что осознание – значит, всякое, даже наивное познание – психических явлений всегда предполагает раскрытие тех предметных связей, посредством которых психические переживания впервые выделяются из мистической туманности чистой непосредственности, лишенной всякой определенности и членораздельности, и определяются как объективные психологические факты. Поскольку эти предметные отношения могут быть неправильно или неполно, неадекватно раскрыты в непосредственных данных сознания, эти последние могут давать неадекватное познание психических явлений. Не все то, что человек переживает, он адекватно осознает, потому что не все отношения, выражающиеся в переживании и определяющие его, сами адекватно даны в сознании как отношения. Именно поэтому *задача – отличного от простого переживания – познания психического посредством раскрытия тех объектив-*

ных связей, которыми оно объективно определяется. Это и есть задача психологии. Психологическое познание – это опосредованное познание психического через раскрытие его существенных, объективных связей и опосредований.

В радикальном отличии от основных тенденций традиционной психологии, изучавшей функции или структуру сознания только имманентно, в замкнутом внутреннем мире, психология должна исходить при изучении человеческого сознания из его отношения к предметному миру объективной действительности.

Заодно с преодолением дуалистического противопоставления психического, как будто бы замкнутого, внутреннего мира миру внешнему падает традиционное дуалистическое противопоставление самонаблюдения, интроспекции внешнему наблюдению, падает само понятие самонаблюдения в его традиционном понимании, которое, замыкая самонаблюдение в самодовлеющем внутреннем мире, механически противопоставляет его внешнему, объективному наблюдению.

Поскольку, с одной стороны, действие или поступок не могут быть определены вне своего отношения к внутреннему содержанию сознания, объективное психологическое наблюдение, исходящее из внешней стороны поведения, не может брать внешнюю сторону поведения в отрыве от внутренней его стороны. Поскольку, с другой стороны, осознание моих собственных переживаний совершается через рас-

крытие их отношений к внешнему миру, к тому, что в них переживается, познание психических фактов, исходящее из внутренней их стороны, из самонаблюдения, не может определить, что, собственно, оно дает, вне соотношения психического, внутреннего с внешним.

Пусть я исхожу из самонаблюдения: мне даны мои переживания так, как мои переживания никому другому не могут быть даны. Многое из того, что сторонний наблюдатель должен был бы установить косвенным путем посредством кропотливого исследования, мне как будто непосредственно открыто. Но все же: что, собственно, представляет собой мое переживание, каково объективное психологическое содержание того процесса, субъективным показателем которого оно служит? Чтобы установить это и проверить показания моего сознания, я вынужден, становясь исследователем своей собственной психики, прибегнуть принципиально к тем же средствам, которыми пользуется в объективном психологическом исследовании сторонний наблюдатель. Сторонний наблюдатель вынужден прибегнуть к опосредованному познанию моей психики через изучение моей деятельности не потому только, что ему непосредственно не даны мои переживания, но и потому, что по существу нельзя объективно установить психологический факт или проверить объективность психологического познания иначе, как через деятельность, через практику.

Восприятие, воспроизведение, мышление и т. д. — это

внутренние психические процессы, но каждый из них объективно определяется посредством тех условий, которым он должен удовлетворять, чтобы быть действительно восприятием (а не галлюцинацией), узнаванием (а не иллюзией уже виденного), мышлением (а не простой ассоциацией представлений или скачкой бредовых идей). Но удовлетворяет процесс тем объективным условиям, которыми он определен, полностью выявляясь лишь в действии. Поэтому объективное наличие того или иного психического процесса может быть и другим и мной самим объективно установлено лишь посредством соответствующей деятельности.

Восприятие предполагает наличие реального объекта, непосредственно действующего на наши органы чувств. Оно всегда при этом есть восприятие какого-то материала (предмета, текста, нот, чертежа), которое совершается в определенных реальных условиях (при определенном освещении и пр.). Для того чтобы установить наличие этого объекта и, значит, наличие восприятия (а не галлюцинации), необходимо, очевидно, прибегнуть к ряду операций, совершаемых в определенных реальных условиях. Для того, например, чтобы утверждение о четкости восприятия не было фразой, лишенной всякого определенного значения, нужно прибегнуть к объективным мерилам, дающим возможность придать утверждению определенное содержание, например четкость и острота зрения, определяемые чтением такого-то текста в таких-то реальных условиях, на таком-то расстоянии, при та-

ком-то освещении. Но для того чтобы это установить, необходимо, очевидно, испытать функцию в этих конкретных реальных условиях – действительно прочитать этот текст.

Воспроизведение предполагает соответствие воспроизведенного образа реальному предмету. Для того чтобы установить наличие этого соответствия и, значит, наличие подлинного воспроизведения (а не воображения) и характер этого соответствия (степень точности) и, значит, психологические особенности воспроизведения или памяти, необходимо, очевидно, объективизировать воспроизведенный образ, выявить его вовне, хотя бы зафиксировать словесно и создать таким образом возможность проверки этого соответствия в определенных условиях, доступных реальному контролю.

Имеется ли налицо действительно мышление (а не случайная ассоциация представлений), определяется тем, осознаны ли объективные предметные отношения, которые дают решение задачи. Но дают ли осознанные в данном психологическом процессе отношения действительное решение задачи, – это доказывается и проверяется ее решением. Субъективное чувство понимания – это симптом, который может быть обманчивым. Оно по существу заключает в себе гипотезу о возможных действиях субъекта. Эта гипотеза проверяется действием. Понимание решения задачи определяется умением ее решить, а умение ее решить доказывается ее решением.

То же самое, что выше сказано о восприятии, воспроизведении, мышлении, применимо и к чувствам: и здесь действие является признаком, по которому можно судить о реальных помыслах и чувствах реальной личности. Сказать, что у человека такие-то чувства, – это значит утверждать, что у него те переживания, которые отвечают такому-то отношению, такому-то способу действия по отношению к другому человеку. Деятельность является раскрытием во внешнем, материальном плане тех отношений, которыми объективно определяются психологические факты.

Через посредство деятельности субъекта его психика становится познаваема для других. Через посредство нашей деятельности объективно познаем нашу психику, проверяя показания нашего сознания, даже мы сами. Случается поэтому – каждый это когда-либо испытал, – что собственный наш поступок внезапно открывает нам в нас чувство, о существовании которого мы не подозревали, и совсем по-новому нам же освещает наши собственные переживания. Мы сами через нашу деятельность, не непосредственно, а в испытаниях жизни, глубже всего познаем самих себя. По тем же самым данным нашей деятельности познают нашу психику и другие. Понятным, таким образом, становится, что другие люди, перед которыми разворачивается наша деятельность, иногда раньше замечают в нас вновь зародившееся чувство, во власти которого мы находимся, чем мы сами его осознаем, и порой даже правильнее судят о нашем характере и о наших ре-

альных возможностях, чем мы сами в состоянии это сделать.

Показания нашего сознания о наших собственных переживаниях, данные самонаблюдения, как известно, не всегда достоверны; иногда мы не осознаем или неадекватно осознаем свои собственные переживания. Для познания своей собственной психики мы всегда должны исходить – в принципе так же, как при познании чужой психики, но лишь в обратной перспективе – из единства внутренних и внешних проявлений. Интроспекция как такое погружение во внутреннюю сторону, которое бы вовсе изолировало и оторвало психическое от внешнего, объективного, материального, не может дать никакого психологического познания. Она уничтожает саму себя и свой объект. *Психическое переживается субъектом как непосредственная данность, но познается лишь опосредованно – через отношение его к объективному миру.* В этом ключ к разгадке таинственной природы психологического познания; отсюда открывается путь для преодоления феноменализма, разъедающего систему традиционной психологии.

Единство между сознанием и деятельностью, которое таким образом устанавливается, создает основу объективного познания психики: падает утверждение субъективной идеалистической психологии о непознаваемости чужой психики и утверждение противников психологии о субъективности, т. е. ненаучности, всякого психологического познания; психика, сознание может стать предметом объективного позна-

ния.

Это единство является основой подлинно научного объективного познания психики. Оно открывает возможность идти к познанию внутреннего содержания личности, ее переживаний, ее сознания, исходя из внешних данных ее поведения, из дел ее и поступков. Оно дает возможность как бы просвечивать через внешние проявления человека, через его действия и поступки его сознание, тем самым вместе с тем освещая психологические особенности его поведения. Деятельность человека, – как писал К. Маркс о промышленной деятельности, является *«раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно предлежащая пред нами человеческая психология»*².

Единство сознания и поведения, однако, не тождество; речь идет не об автоматическом совпадении внешних и внутренних проявлений человека. Действия людей по отношению к окружающему не всегда непосредственно соответствуют тем чувствам, которые они к ним питают: в то время как человек действует, в нем обычно перекрещиваются различные, порой противоречивые, чувства. Внешне различные и даже противоположные поступки могут выражать применительно к различным условиям конкретной ситуации одни и те же черты характера и проистекать из одних и тех же тенденций или установок личности. Обратно: внешне однородные и как будто тождественные поступки могут совершать-

---

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 123.

ся по самым разнородным мотивам, выражая совершенно не однородные черты характера и установки или тенденции личности. Один и тот же поступок один человек может совершать для того, чтобы помочь кому-нибудь, а другой – чтобы перед кем-нибудь выслужиться. Одна и та же черта характера, застенчивость например, может в одном случае проявиться в смущении, растерянности, в другом – в излишней шумливости и как будто развязности поведения, которой прикрывается то же смущение. Само же это смущение и застенчивость нередко порождаются диспропорцией в одних случаях между притязаниями личности и ее способностями, в других – между ее способностями и достижениями и множеством других самых разнообразных и даже противоположных причин. Поэтому ничего не поймет в поведении человека тот, кто не сумеет за внешним поведением вскрыть свойства личности, ее направленность и мотивы, из которых исходит ее поведение. Бывают случайные поступки, не характерные для человека, и не всякая ситуация способна адекватно выявить внутренний облик человека (поэтому перед художниками встает специальная композиционная задача – найти такую, для каждого действующего лица специфическую, ситуацию, которая в состоянии выявить именно данный характер). Непосредственные данные поведения могут быть так же обманчивы, как и непосредственные данные сознания, самосознания, самонаблюдения. Они требуют истолкования, которое исходит из внешних данных поведения как

отправных точек, но не останавливается на них как на чем-то конечном и самодовлеющем. Отдельный, изолированно взятый, как бы выхваченный из контекста, акт поведения обычно допускает самое различное истолкование. Его внутреннее содержание и подлинный смысл обычно раскрываются лишь на основе более или менее обширного контекста жизни и деятельности человека – так же, как смысл фразы часто раскрывается лишь из контекста речи, а не определяется однозначно одним лишь словарным значением составляющих ее слов. Таким образом, между внутренними и внешними проявлениями человека, между его сознанием и поведением всегда существует связь, в силу которой внутренняя психологическая природа акта деятельности сказывается и на внешнем его протекании. Однако это отношение между ними не зеркально; их единство – не автоматическое совпадение; оно не всегда адекватно. Если бы это отношение между внутренней психологической природой акта и его внешним протеканием вовсе не существовало, объективное психологическое познание было бы невозможно; если бы оно всегда было адекватно, зеркально, так что каждый совершённый акт не требовал бы никакого истолкования для квалификации его внутренней природы, психологическое познание было бы излишне. Но это отношение существует, и оно не однозначно, не зеркально; поэтому психологическое познание и возможно и необходимо.

В своем конкретном содержании психика человека, его

сознание, образ его мыслей зависят от образа его жизни и деятельности, формируясь в процессе их развития. В силу этого основное значение для понимания психики животных приобретает изучение ее развития в процессе биологической эволюции, для понимания сознания человека – его развития в историческом процессе: *психология изучает психику в закономерностях ее развития*. Психология изучает при этом не одни лишь абстрактно взятые функции, а психические процессы и свойства конкретных индивидов в их реальных взаимоотношениях со средой; психология человека – психику, сознание человека как конкретной личности, включенной в определенную систему общественных отношений. Сознание человека формируется и развивается в процессе общественно-организованной деятельности (труда, обучения); оно *исторический* продукт. Психология человека не перестает из-за этого быть *естественной* наукой, изучающей психологическую *природу* человека, но она вместе с тем и даже тем самым (а не несмотря на это) *историческая* наука, поскольку сама природа человека – продукт истории.

Психология человека обусловлена общественными отношениями, поскольку сущность человека определена совокупностью общественных отношений. Если, в отличие от организма как только биологического индивида, термином «личность» обозначить социального индивида, то можно будет сказать, что психология человека изучает психику как качественно специфическое свойство личности или что она

изучает психику личности в единстве ее внутренних и внешних проявлений. Всякое изучение сознания вне личности может быть только идеалистическим, так же как всякое изучение личности помимо сознания может быть только механистическим. Изучая сознание в его развитии, психология изучает его в процессе становления сознательной личности.

Закономерности общественного бытия являются наиболее существенными ведущими закономерностями развития человека. Психология в своем познании психики человека должна поэтому исходить из них, но, однако, никак не сводить ни психологические закономерности к социальным, ни социальные к психологическим. Точно так же – как ни велико значение физиологического анализа «механизмов» психических процессов для познания их природы, – никак нельзя свести закономерности психических процессов к физиологическим закономерностям. Отражая бытие, существующее вне и независимо от субъекта, психика выходит за пределы внутриорганических отношений и выражается в качественно иной, отличной от физиологической, системе понятий; она имеет свои специфические закономерности. *Основная, конечная теоретическая задача психологии и заключается в раскрытии специфических психологических закономерностей.*

Психологическое познание – это познание психического, опосредованного всеми существенными конкретными связями, в которые включена жизнь человека; оно поэтому изу-

чение не только механизмов психики, но и ее конкретного содержания.

Эти последние формулы означают принципиальное преодоление чисто абстрактной психологии: они означают приближение психологии к конкретным вопросам практической жизни.

Отрасли психологии

Современная психология представляет собой уже широко разветвленную систему дисциплин. Важнейшие из них следующие:

Общая психология; она изучает психику человека в ее общих закономерностях. Эти общие закономерности психики человека раскрываются: 1) в процессе развития психики (сначала у животных, затем в историческом развитии у человека и в индивидуальном ее развитии у ребенка); 2) в ее проявлениях в различных видах деятельности, в которых она не только проявляется, но и формируется; 3) в ее патологических нарушениях. Поэтому общая психология строится на обобщениях всех областей психологического знания; предметом ее специального изучения является психология нормального взрослого человека личности.

Из общей психологии человека обычно выделяется в самостоятельную дисциплину генетическая психология человека – *психология ребенка*, ввиду ее большой практической

значимости для дела воспитания и обучения. Задача психологии ребенка – изучение закономерностей психического развития ребенка. Психология ребенка теснейшим образом связана с общей психологией человека: нельзя правильно понять психологию ребенка вне связи с психологией взрослого человека, поскольку ребенок – это человек в процессе своего становления, так же как нельзя понять психологию взрослого человека вне изучения путей ее становления у ребенка.

Широко развернувшейся в настоящее время областью психологического исследования является *зоопсихология*. Зоопсихология изучает закономерности развития психики у животных в процессе биологической эволюции. Она этим служит не только познанию психики животных, но и вскрывает биологические предпосылки развития психики человека и помогает выявить ее специфические особенности.

Психопатология также включается существенным членом в систему психологических дисциплин. Она изучает психику, отклоняющуюся от нормы, служа этим медицинским целям. Предполагая знание нормальной общей психологии, психопатология вместе с тем и обогащает ее: не только развитие, но и распад вскрывает закономерности нормальных развитых форм психики.

В более специальных, но реально особенно значимых формах психологические закономерности вскрываются в конкретных психических проявлениях человека в различных областях его деятельности. В связи с задачами, которые

ставят перед психологией различные области деятельности и сферы общественной жизни, в психологии выделялись такие специальные дисциплины как *психология труда*, изучающая психические компоненты трудовой деятельности, их зависимость от условий, в которых она протекает, с тем чтобы содействовать ее рационализации, повышению ее продуктивности; *психология искусства*, изучающая эстетическое восприятие и условия, от которых зависит эстетический эффект (при восприятии кино, театральной постановки и т. д.), с тем чтобы успешнее и планомернее его достигать; *судебная психология*, изучающая психологические вопросы, связанные с судебной практикой, как, например, достоверность свидетельских показаний и т. д., с тем чтобы предотвратить чреватые иногда тяжелыми последствиями ошибки, которые могут возникнуть при суждении о человеческих поступках вследствие недоучета психологических моментов. К этому же циклу психологических дисциплин можно, наконец, отнести *военную психологию*, проблематика которой приобрела в настоящее время актуальность, *медицинскую психологию* и *педагогическую психологию*.

Все эти дисциплины непосредственно связаны с многообразными вопросами, которые во всех областях человеческой деятельности ставит перед психологией жизнь, практика. Но с практикой в конечном счете через проблемы, которые трактуют эти специальные отрасли психологии, связаны не только они, но и вся психология в целом, в частности

так называемая общая психология. Притом эта связь взаимная, двусторонняя. Применение положений общей психологии, выражающих общие психологические закономерности, к конкретным специальным ситуациям хозяйственной, культурной, педагогической деятельности является не механическим их переносом или формальным приложением к новому содержанию, а введением их в новый контекст, которое должно быть вместе с тем их развитием и углублением. Действительно, общие психологические закономерности, которые способны дать реальное объяснение конкретных явлений практической жизни, сами раскрываются лишь в исследовании, с самого начала берущем их в реальных условиях конкретной деятельности. Всякая попытка строить, например, педагогическую психологию в порядке «педагогических выводов» – внешнего, механического приложения к конкретным условиям психического развития ребенка положений абстрактной психологии, добытых вне этих условий, по существу своему порочна. Для развития психологии, способной оказать действительную помощь практике, в частности педагогике, школе, нужно не просто достроить к абстрактной общей психологии ряд прикладных дисциплин, а прежде всего строить саму общую психологию как конкретную «реальную» науку, изучающую психику человека в процессе его конкретной деятельности, психику ребенка в процессе воспитания и обучения.

Общие положения психологии спускаются, часто при

этом видоизменяясь и преобразуясь, вниз в частные конкретные практические ситуации, которые во всех областях человеческой деятельности ставят перед психологией животрепещущие вопросы, а из этих конкретных, практических ситуаций, из гущи жизни вверх в общую теорию поднимаются новые обобщенные результаты. Практика питает и проверяет теорию, а теория обобщает практику и руководит ею. Теоретические задачи психологического познания, раскрытие обобщенных психологических закономерностей и практические задачи смыкаются друг с другом. Только так строится подлинно научная и вместе с тем жизненная психология.

Глава II. Методы психологии

Методика и методология

Наука – это прежде всего исследование. Поэтому характеристика науки не исчерпывается определением ее предмета; она включает и определение ее метода. Методы, т. е. пути познания, – это способы, посредством которых познается предмет науки. Психология, как каждая наука, употребляет не один, а целую систему частных методов, или методик. Под методом науки – в обобщенном виде – можно разуметь *систему* ее методов в их единстве. Основные методы науки – не внешние по отношению к ее содержанию операции, не извне привносимые формальные приемы. Служа для раскрытия закономерностей, они сами опираются на основные закономерности предмета науки; поэтому метод психологии сознания был иной, чем метод психологии как науки о душе: недаром первую обычно называют эмпирической психологией, а вторую – рациональной, характеризуя таким образом предмет науки по тому методу, которым он познается; и метод поведенческой психологии отличен от метода психологии сознания, которую часто по ее методу называют интроспективной психологией. Точно так же то понимание предмета психологии, которое было здесь дано, предопреде-

ляет соответствующее ему решение основных вопросов о ее методе.

Осознает ли это исследователь или нет, его научная работа объективно в своей методике всегда реализует ту или иную методологию. Для последовательной и плодотворной реализации в психологии нашей методологии весьма существенно, чтобы она была осознана и, будучи осознанной, не превращалась в форму, извне механически накладываемую на конкретное содержание науки, чтобы она раскрывалась внутри содержания науки в закономерностях его собственного развития.

Марксистская диалектика, как теория познания и научная методология, ставит перед научным исследованием задачу понять и отобразить объективную действительность – реальный предмет в его собственном реальном развитии и реальных, опосредующих его отношениях: «сама вещь в ее отношениях и в ее развитии должна быть рассматриваема», – формулирует В. И. Ленин первое требование диалектики. Детализируя далее «элементы диалектики», сущность которой он определяет как учение о единстве противоположностей, Ленин в своем комментарии к «Науке логики» Г. В. Ф. Гегеля в первую очередь выделяет следующее: «1) *Объективность* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе); 2) вся совокупность многообразных *отношений* этой вещи к другим; 3) *развитие* этой вещи (*respective* явления), ее собственное движение, ее соб-

ственная жизнь»³.

Методы психологии

Психология, как и каждая наука, пользуется целой системой различных частных методов, или методик. Основными методами исследования в психологии, как и в ряде других наук, являются *наблюдение* и *эксперимент*. Каждый из этих общих методов научного исследования выступает в психологии в различных и более или менее специфических формах; существуют разные виды и наблюдения и эксперимента. Наблюдение в психологии может быть *самонаблюдением* или *внешним наблюдением*, обычно в отличие от самонаблюдения именуемым *объективным*. Внешнее, так называемое объективное, наблюдение может в свою очередь подразделяться на *прямое* и *косвенное*. Точно так же существуют различные формы или виды эксперимента. Разновидностью эксперимента является так называемый *естественный эксперимент*, являющийся формой промежуточной между экспериментом и простым наблюдением.

Помимо этих основных методов, которые получают в психологии специфическое выражение в соответствии с особенностями ее предмета, в психологии пользуются рядом промежуточных и вспомогательных методик.

Ввиду роли, которую в методике психологического исследова-

---

³ Ленин В. И. Философские тетради. 1938. С. 211.

дования играет генетический принцип, можно, далее, говорить о *генетическом* принципе или методе психологического исследования. Генетический метод в психологии, т. е. использование изучения развития психики как средства для раскрытия общих психологических закономерностей, – не сопоставляется с наблюдением и экспериментом в одном ряду и не противопоставляется им, а необходимо на них опирается и строится на их основе, поскольку установление генетических данных в свою очередь основывается на наблюдении или эксперименте.

При использовании различных методов психологического исследования необходимо считаться с особенностями изучаемой проблемы. Так, например, при изучении ощущений вряд ли какой-либо другой метод может быть так эффективен, как экспериментальный. Но при изучении высших проявлений человеческой личности серьезно встает вопрос о возможности «экспериментировать» над человеком.

Методика исследования всегда отражает ту или иную методологию. В соответствии с общими принципиальными установками нашей психологии специфические черты должна носить и ее методика.

1. Психика, сознание изучается нами в единстве внутренних и внешних проявлений. Взаимосвязь психики и поведения, сознания и деятельности в ее конкретных, от ступени к ступени и от момента к моменту изменяющихся формах является не только объектом, но и средством психологиче-

ского исследования, опорной базой всей методики.

В силу единства сознания и деятельности различие в психологическом способе акта деятельности сказывается и во внешнем его протекании. Поэтому всегда существует некоторое соотношение между внешним протеканием процесса и его внутренней природой; однако это отношение не всегда адекватно. Общая задача всех методов объективного психологического исследования заключается в том, чтобы адекватно выявить это отношение и, таким образом, по внешнему протеканию акта определить его внутреннюю психологическую природу. Однако каждый отдельный, изолированно взятый акт поведения допускает обычно различное психологическое истолкование. Внутреннее психологическое осуществление действия раскрывается обычно не из изолированно взятого акта, из отдельного фрагмента, а из системы деятельности. Лишь учитывая деятельность индивида, а не только какой-нибудь изолированный акт, и соотнося ее с теми конкретными условиями, в которых она совершается, можно адекватно раскрыть тот внутренний психологический смысл действий и поступков, который может быть высказан и может быть утаен в высказываниях человека, но обнаруживается в его действиях.

Этот принцип объективного психологического исследования реализуется многообразными методическими средствами, зависящими от особенностей предмета исследования.

2. Поскольку решение психофизической проблемы, из ко-

того исходит наша психология, утверждает единство, но не тождество психического и физического, психологическое исследование, никак не растворяясь в физиологическом и не сводясь к нему, однако необходимо предполагает и часто включает физиологический анализ психологических (психофизических) процессов. Вряд ли, например, возможно научное изучение эмоциональных процессов, не включающее физиологического анализа входящих в их состав физиологических компонентов. Психологическое исследование никак не может и в этом отношении замкнуться в чисто имманентном – феноменологическом описании психических явлений, оторванном от изучения их психофизиологических механизмов.

Неправильно было бы недооценивать значение физиологических методик в психологическом исследовании. Так, в частности, павловская методика условных рефлексов является мощным средством анализа чувствительности.

Однако физиологический анализ и, значит, *физиологическая* методика в *психологическом* исследовании может играть лишь вспомогательную роль и должна занимать в нем поэтому лишь подчиненное место.

Решающим вопросом при этом является, однако, не столько это разграничение и подчинение одного из них другому, сколько умение правильно их соотнести, так чтобы в конкретной практике психофизического исследования они образовали подлинное единство. Под этим углом зрения

должна быть пересмотрена пронизанная дуализмом постановка исследований в традиционной психофизиологии ощущения и движения и развернута целая система психофизических исследований, конкретно реализующих общий принцип психофизического единства.

3. Поскольку материальные основы психики не сводятся к ее органическим основам, поскольку образ мыслей людей определяется образом их жизни, их сознание – общественной практикой, методика психологического исследования, идущего к психологическому познанию человека, отпавляясь от его деятельности и ее продуктов, должна опираться на социально-исторический анализ деятельности человека. Лишь правильно определив подлинное общественное содержание и значение тех или иных поступков человека и объективных результатов его деятельности, можно прийти к правильному их психологическому истолкованию. Психическое не должно при этом социологизироваться, т. е. сводиться к социальному; психологическое исследование должно поэтому сохранять свою специфичность и самостоятельность, не растворяясь, а лишь – где это требуется – опираясь на предварительный социологический анализ человеческой деятельности и ее продуктов в общественно-исторических закономерностях их развития.

4. Целью психологического исследования должно быть раскрытие специфических психологических закономерностей. В этих целях необходимо не оперирование одними

лишь статистическими средними, а анализ конкретных индивидуальных случаев, потому что действительность конкретна и лишь ее конкретным анализом можно раскрыть реальные зависимости. *Принцип индивидуализации* исследования должен быть существеннейшим принципом нашей методики. Однако задача теоретического психологического исследования заключается не в жизнеописании отдельного индивида в его единичности, а в том, чтобы от единичного перейти к всеобщему, от случайного к необходимому, от явлений к существенному в них. Для теоретического психологического исследования изучение индивидуальных случаев является поэтому не особой областью или объектом, но средством познания. Через изучение индивидуальных случаев в их вариативности психологическое исследование должно идти к истинной своей цели – к установлению все более общих и существенных закономерностей. Установка на *индивидуализацию* исследования и на раскрытие реальных *закономерностей* должна быть поставлена в нашей психологии во главу угла – в принципиальной противоположности всем концепциям, для которых суть заключается в том, чтобы устанавливать стандарты, оперируя статистическими средними.

5. Психологические закономерности раскрываются в процессе развития. Изучение развития психики является не только специальной областью, но и специфическим методом психологического исследования. *Генетический принцип* является существенным принципом нашей методики. При

этом суть дела заключается не в том, чтобы проводить статистические срезы на различных этапах развития и фиксировать различные уровни, а в том, чтобы сделать именно *переход* с одного уровня на другой предметом исследования и вскрыть таким образом динамику процессов и их движущие силы. В частности, при изучении психического развития в онтогенезе задача заключается не в том, чтобы зафиксировать посредством как бы моментальных снимков различные, по существу абстрактные, уровни умственного развития и отнести к ним различных детей, как бы разнеся их по различным этажам и полкам, а в том, чтобы в ходе самого исследования продвинуть детей с одного «уровня» на следующий, высший, и проследить в реальном процессе развития его существенные закономерности.

6. Поскольку продвижение детей с одного уровня или ступени психического развития на другой совершается в процессе обучения, генетический принцип в выше раскрытом его понимании требует в качестве существенного своего развития и дополнения применительно к психологии ребенка, помимо индивидуализации, еще «педагогизации» психологического исследования. Надо *изучать* ребенка, *обучая* его. Но принцип педагогизации психологического изучения ребенка означает не отказ от экспериментального исследования в пользу педагогической практики, а включение принципов педагогической работы в сам эксперимент.

То положение, что надо *изучать* детей, *обучая* их, являет-

ся частным случаем более общего положения, согласно которому мы познаем явления действительности, *воздействуя* на них (в частности, самое глубокое и конкретное познание людей достигается в процессе их переделки). Это одно из основных положений нашей общей методологии и теории познания. Оно может и должно получить многообразное конкретное осуществление в методике психологического исследования. Так при изучении патологических явлений психики у больного индивида терапевтическое воздействие дает возможность не только выправить, но и глубже познать их.

Таким образом, в самой методике, в «практике» исследования закладывается единство, связь между теорией и практикой, между научным познанием психических явлений и реальным практическим воздействием на них.

7. В рамках нашей общей концепции новый смысл и характер может приобрести использование в методике психологического исследования продуктов деятельности, поскольку в них материализуется сознательная деятельность человека (изучение продуктов умственной деятельности и творчества в исследовании мышления, воображения). Психологическое исследование никак не должно при этом основываться на механической регистрации голой результативности деятельности и пытаться устанавливать в ней и навсегда фиксировать стандартные показатели психического состояния.

Один и тот же внешний результат может иметь самое раз-

личное психологическое содержание в зависимости от того, в какой конкретной ситуации он имел место. Поэтому раскрытие психологического содержания результатов каждого объективного исследования, исходящего из внешних данных, его расшифровка и правильная интерпретация требуют обязательного учета, а значит и изучения конкретной *личности* в конкретной *ситуации*. Это положение должно стать одним из основных в методике нашего психологического исследования, особенно при изучении высших, наиболее сложных проявлений личности, – в противоположность обезличению, по большей части господствующему в методике зарубежной психологической науки.

Поскольку при этом личность и ситуация в их конкретной реальности выходят за пределы только психологических явлений, психологическое исследование, не утрачивая своего характера и специфичности своего объекта, требует тщательного учета целого ряда моментов, выходящих за пределы чисто психологического.

Наблюдение

Наблюдение в психологии выступает в двух основных формах – как самонаблюдение, или интроспекция, и как внешнее, или так называемое объективное, наблюдение.

Традиционная, интроспективная психология считала самонаблюдение, или интроспекцию, единственным или во

всяком случае основным методом психологии. Это было реализацией в методах исследования той общей позиции, согласно которой психика превращалась в замкнутый в себе внутренний мир.

Объективная, поведенческая психология вовсе отвергла самонаблюдение и признала единственным методом психологии «объективное» наблюдение внешнего «поведения». Это была лишь изнанка той же дуалистической, картезианской позиции, которая метафизически рассекла мир на две друг для друга внешние сферы – духовную и материальную.

Мы исходим из единства внешнего и внутреннего. Поэтому для нас по-новому решается вопрос как о самонаблюдении, так и о наблюдении. На основе единства психического и физического, внутреннего и внешнего, к которому приходит наше решение психофизической проблемы, раскрывается единство самонаблюдения и внешнего, так называемого объективного, наблюдения. Речь для нас идет не о совместном применении наблюдения и самонаблюдения как двух разнородных, внешне друг друга дополняющих методов, а об их единстве и взаимопереходе друг в друга.

Самонаблюдение

Самонаблюдение, или интроспекция, т. е. наблюдение за собственными внутренними психическими процессами, неотрывно от наблюдения за их внешними проявлениями.

Познание собственной психики самонаблюдением, или интроспекцией, всегда осуществляется в той или иной мере опосредованно через наблюдение внешней деятельности. Таким образом, совершенно отпадает возможность превращать самонаблюдение – как того хочет радикальный идеализм – в самодовлеющий, в единственный или основной метод психологического познания. Вместе с тем, так как реальный процесс самонаблюдения в действительности всегда является лишь одной стороной наблюдения также и внешнего, а не только внутреннего, интроспективного, так что показания самонаблюдения могут быть проверены данными внешнего наблюдения, – отпадают и все основания для того, чтобы пытаться, как хотела поведенческая психология, вовсе отрицать самонаблюдение.

В ряде случаев, например при изучении ощущений, восприятия, мышления, так называемое *самонаблюдение* (посредством которого мы раскрываем содержание наших психических процессов) и так называемое *объективное наблюдение* (посредством которого мы познаем явления объективной действительности, в них отражающиеся) представляют, собственно, *два различных* направления в анализе или *истолковании одних и тех же исходных данных*. В одном случае мы от показаний нашего сознания, отражающих объективную действительность, идем к раскрытию тех психических процессов, которые привели к такому, а не к иному ее отражению; в другом – от этих показаний сознания, отража-

ющих объективную действительность, мы переходим к раскрытию свойств этой действительности.

В единстве внешнего и внутреннего, объективного и субъективного основным, определяющим для нас является объективное. Поэтому, исходя из нашего понимания сознания, мы не сможем признать самонаблюдение ни единственным, ни основным методом психологии. Основными методами психологического изучения являются методы объективного исследования.

Признание самонаблюдения основным методом психологии заложено в том понимании психологии, которое установилось со времени Р. Декарта и Дж. Локка. Имея длинную историю и множество приверженцев, признающих его единственным специфически психологическим методом, самонаблюдение имело и много непримиримых противников.

Возражения, которые выдвигались против самонаблюдения, были двоякого порядка: одни утверждали невозможность самонаблюдения; другие отмечали трудности, с которыми оно сопряжено, и его ненадежность.

Первую точку зрения особенно резко сформулировал родоначальник философского позитивизма *Огюст Конт*. Он говорил, что попытка превратить самонаблюдение в метод психологического познания – это «попытка глаза увидеть самого себя» или глупая попытка человека выглянуть в окно, чтобы посмотреть, как сам он проходит мимо по улице. Человек либо действительно что-либо переживает, либо он на-

блюдает; в первом случае некому наблюдать, поскольку субъект поглощен переживанием; во втором случае нечего наблюдать, поскольку субъект, сосредоточившись на наблюдении, ничего не переживает. Самонаблюдение невозможно, потому что невозможно самораздвоение субъекта на субъект и объект познания.

Как все аргументы, которые доказывают слишком много, и этот довод ничего не доказывает. Он признает несуществующее абсолютное метафизическое единство субъекта и пытается отрицать бесспорный факт самонаблюдения, которое, как всякое действительное явление, возникает при известных условиях, развивается и при определенных условиях исчезает. Мы можем констатировать невозможность интроспекции при некоторых специальных условиях (например, при сильных аффектах) или слабое развитие его у маленьких детей, но не отрицать вовсе его возможность. Отрицать существование самонаблюдения – значит, доводя мысль до конца, отрицать осознанность переживания и в конечном счете отрицать сознание. Подлежать сомнению может не существование самонаблюдения, а значение его как метода научного познания.

Мыслители, которые отмечали трудность и ненадежность самонаблюдения, выдвигали главным образом два соображения: 1) самонаблюдение не столько интроспекция, сколько ретроспекция, не столько непосредственное восприятие, сколько восстановление ранее воспринятого, потому что

невозможно одновременное сосуществование процесса наблюдаемого с процессом его наблюдения; 2) в самонаблюдении объект наблюдения независим от самого наблюдения: наблюдая явление сознания, мы его изменяем, и не исключена поэтому возможность того, что при этом мы делаем мнимое открытие того, что мы сами внесли туда.

Эти трудности реальны, но не непреодолимы. Вопрос о возможности их преодоления при самонаблюдении требует уяснения природы самого самонаблюдения, или интроспекции.

Задача интроспекции в понимании интроспективной психологии заключается в том, чтобы посредством специального анализа вычленив из всех связей предметного внешнего мира явления сознания как непосредственные переживания. Очень распространенная в современной психологии точка зрения, согласно которой так понятая интроспекция принимается как один из методов психологии, с тем что к ней присоединяется объективное наблюдение, простое или экспериментальное, которое должно ее дополнить и проверить, – никуда не годный компромисс. Если бы интроспекция относилась к миру внутреннему вне связи его с внешним миром, а объективное наблюдение – к данным внешнего мира, если бы у них, таким образом, были разнородные и внутренне не связанные объекты, данные объективного наблюдения не могли бы служить для проверки показаний самонаблюдения. Внешнее объединение двух принципиаль-

но разнородных методов так же неудовлетворительно разрешает проблему метода, как неудовлетворительно разрешает проблему предмета психологии механическое объединение субъективно-идеалистического понимания сознания с механистическим «объективным» пониманием поведения.

Но отрицание самонаблюдения в понимании идеалистической психологии не означает, что данные самонаблюдения вовсе не могут быть использованы в психологии и что само понимание самонаблюдения не может быть перестроено на основе не тождества, а подлинного единства субъективного и объективного.

Очевидно, что некоторые данные сознания фактически всегда используются в физических науках в каждом исследовании внешнего мира. Показания чувств о звуке, цвете, теплоте или тяжести предметов служат отправным пунктом для исследования физических свойств вещей. Эти же данные могут послужить и исходной точкой для заключений о психическом процессе восприятия. Никто не оспаривает использования этих данных в физических и социальных науках. Без этого отправного пункта чувственного опыта никакое знание и никакая наука не были бы возможны. Равным образом должно быть возможно и использование показаний сознания о переживаниях субъекта, в которых отражаются свойства внешнего мира (т. е. не только тогда, когда он говорит «этот предмет теплее того», но и тогда, когда он утверждает, что ему сейчас теплее, чем было раньше). Но в таком

случае спрашивается далее: почему показания сознания могут быть использованы в отношении восприятия человека и не могут быть использованы для познания его представлений, мыслей или чувств?

Сторонники так называемого метода словесного отчета склонны признать правомерность использования показаний сознания в первом случае и неправомочность их использования во втором. Они исходят при этом из следующего: показания первого типа, поскольку они относятся к предметам внешнего мира, допускают объективную проверку; вторые, относясь к переживаниям субъекта, такой проверки не допускают. Однако этот довод падает, поскольку психические процессы не протекают в замкнутом внутреннем мире, к которому принципиально закрыт был бы доступ извне; те же самые психические процессы могут стать доступными и для объективного исследования, исходящего из данных поведения. В связи с данными объективного исследования данные самонаблюдения могут быть использованы в научном изучении психики как источник первичной информации, требующий проверки объективными показателями и допускающий ее. Лишь искусственный, неправомочный отрыв данных «внутреннего опыта» от опыта внешнего, от объективных данных, превращает показания самонаблюдения в нечто недоступное объективному контролю и делает самонаблюдение вовсе неприемлемым в науке.

В действительности самонаблюдение имеет все же для

психологического познания определенное значение, ввиду того что между сознанием человека и его деятельностью есть единство, но нет тождества, и внутри единства между ними обычно имеются значительные расхождения и противоречия. Однако сохранить интроспекцию как метод в психологии можно, только изменив понимание самой сущности его. Основа для такого преобразования метода самонаблюдения заложена в данном выше понимании сознания.

В показаниях самонаблюдения, которые представляются субъекту непосредственными данными сознания, всегда имеются опосредования, которые в них лишь не раскрыты. Каждое мое утверждение о моем собственном переживании включает в себе соотнесение его с объективным миром. Эта предметная отнесенность факта сознания вычленяет его из туманности «чистого» переживания и определяет его как психологический факт. Объективная проверка непосредственных данных самонаблюдения совершается через посредство этого отношения к внешнему предметному миру, которое определяет внутреннюю природу явления сознания. В силу этого не только другие, но и я сам, для того чтобы проверить показания моего самонаблюдения, должен обратиться к их реализации в объективном акте. Объективное наблюдение поэтому не добавляет извне к самонаблюдению совершенно разнородные данные. Психология не строится двумя совершенно разнородными методами. Данные внутреннего и внешнего наблюдения взаимосвязаны и

взаимообусловлены.

Подлинное осознание собственного переживания совершается посредством акта, направленного непосредственно не на него, а на ту или иную задачу, которая осуществляется исходящим от него действием. Разрешая ее, субъект в соответствующем действии – внешнем или внутреннем – раскрывает себя. *В ходе психологического исследования, желая из показаний испытуемого извлечь данные для решения той или иной психологической проблемы, экспериментатору надо поэтому направлять своими вопросами испытуемого не на то, чтобы он сообщал, каким ему представляется то, что он делает и переживает, а на то, чтобы он по заданию экспериментатора совершал соответствующее действие и таким образом обнаруживал сплошь и рядом им самим не осознанные закономерности, согласно которым в действительности объективно протекают соответствующие процессы.*

Короче говоря, если под интроспекцией, или самонаблюдением, разумеется такое погружение во внутреннее, которое вообще изолировало бы и оторвало внутреннее, психическое от внешнего, объективного, материального, то самонаблюдение, или интроспекция, в этом смысле не может дать никакого психологического познания. Она уничтожит саму себя и свой объект. Если же под самонаблюдением разумеется наблюдение самого себя, собственной психики, то оно само включает единство и взаимосвязь внутреннего и внешне-

го наблюдения, внутренних и внешних данных. Самонаблюдение может быть лишь фазой, моментом, стороной исследования, которое при попытке проверить его данные само неизбежно переходит в объективное наблюдение. Наблюдение, исследование и в психологии должно вестись в основном объективными методами.

Объективное наблюдение

Новый специфический характер приобретает в нашей психологии и внешнее, так называемое объективное, наблюдение. И оно должно исходить из единства внутреннего и внешнего, субъективного и объективного. Наблюдая внешнее протекание действий человека, мы изучаем не внешнее поведение само по себе, как если бы оно было дано в отрыве от внутреннего психического содержания деятельности, а именно это внутреннее психическое содержание, которое должно раскрыть наблюдение. Таким образом, во внешнем, так называемом объективном, наблюдении внешняя сторона деятельности является лишь исходным материалом наблюдения, а подлинным его предметом служит ее внутреннее психическое содержание. В этом основная принципиальная установка наблюдения в нашей психологии в отличие от поведенческой психологии, которая делала именно внешнюю сторону единственным предметом психологического наблюдения.

Так называемое объективное, т. е. внешнее, наблюдение – самый простой и наиболее распространенный из всех объективных методов исследования. Он широко применяется в психологии, так же как и в других науках.

Научное наблюдение непосредственно соприкасается с обыкновенным житейским наблюдением и восприятием. Необходимо поэтому прежде всего установить основные общие условия, которым вообще должно удовлетворять наблюдение, для того чтобы подняться над уровнем случайных житейских наблюдений и стать научным методом.

Первое основное требование – это наличие четкой целевой установки. Ясно осознанная цель должна руководить наблюдателем, давая ему правильную установку на предмет наблюдения. В соответствии с целью должен быть определен план наблюдения, зафиксированный в схеме. Плановость и систематичность наблюдения составляют самую существенную черту его как научного метода. Они должны исключить элемент случайности, свойственный житейскому наблюдению, и создать хотя бы минимальное единообразие условий наблюдения. При отсутствии единообразного плана наблюдения производятся каждый раз из колеблющихся, изменяющихся установок, изменения которых невозможно учесть. Поэтому остается неизвестным, за счет чего должны быть отнесены установленные изменения в наблюдениях – за счет ли не поддающихся учету изменений в условиях, при которых проводилось наблюдение, или за счет самих наблюда-

емых явлений. Объективность наблюдения зависит прежде всего от его плановости и систематичности.

Если наблюдение должно исходить из четко осознанной цели, определяющей правильную установку на соответствующий предмет наблюдения, то оно должно приобрести избирательный характер. Это требование избирательности находится как будто в противоречии с другим требованием, обычно предъявляемым к объективному наблюдению, – с требованием полноты или даже фотографичности наблюдения. Однако это противоречие кажущееся: лишь при выполнении первого условия и на его основе возможным оказывается выполнить и второе. Наблюдать все вообще в силу безграничного многообразия существующего совершенно невозможно. Всякое наблюдение поэтому неизбежно носит избирательный, или выборочный, частичный характер. Отбор материала осуществляется не стихийно и потому случайно, а сознательно, значит планомерно. Лишь при этом условии оказывается возможной относительная полнота наблюдения внутри созданных таким образом рамок.

Требование фотографичности, которое технически стали осуществлять в психологии путем использования не только фотографии, но и кинематографа, должно означать не только, а иногда не столько требование полноты, сколько требование объективности наблюдения, т. е. фиксации фактического материала независимо от объективного его истолкования. При этом надо учесть, что следует различать факты

и их более или менее субъективное истолкование, но нельзя описание фактов и их истолкование друг от друга оторвать. Наблюдение становится методом научного познания лишь постольку, поскольку оно не ограничивается простой регистрацией фактов, а переходит к формулировке гипотез, с тем чтобы проверить их на новых наблюдениях и, отмечая исключения, уточнить первоначальные гипотезы или заменить их новыми. Такой организацией наблюдения объясняется тот факт, что некоторые науки без эксперимента смогли достичь большого совершенства и так полно выявить свои законы, как, например, социальные науки в исследованиях К. Маркса и как астрономия. Действительно, научно плодотворным объективное наблюдение становится постольку, поскольку оно связано с установлением и проверкой гипотез. Таким образом, фактический материал и его истолкование, не смешиваясь, объединяются теснейшим образом. Отделение субъективного истолкования от объективного и выключение субъективного производится в самом процессе наблюдения, соединенного с постановкой и проверкой гипотез.

При этом весь процесс познания движем внутренними противоречиями, единством и борьбой между различными его сторонами – между регистрацией фактов и их теоретическим истолкованием.

Исследование всегда исходит из какого-то понимания и является истолкованием изучаемого. Исходя из определенного понимания, оно, однако, обычно рано или поздно

вскрывает факты, разрушающие или видоизменяющие старое, исходное понимание, которое привело к их раскрытию, и ведет к новому; а новое понимание ориентирует исследование на новые факты, и т. д.

Лишь учтя эти общие методические соображения, относящиеся к методу наблюдения вообще, можно разрешить основную принципиальную трудность, с которой связано объективное наблюдение специально в психологии. Как можно посредством объективного, *внешнего* наблюдения изучать психические, *внутренние* процессы? Что, собственно, является предметом объективного *психологического* наблюдения?

Сторонники объективной поведенческой психологии отвечают: только внешние реакции, различные движения, жесты и ничего больше, потому что только они – объективные факты. Но наблюдение, которое ограничилось бы внешними реакциями, могло бы быть *объективным*, но оно не было бы *психологическим*. Описание поведения, которое может представлять какой-либо интерес в психологическом плане, всегда должно содержать в себе психологическое истолкование. Недаром даже сугубо объективные описания такого крайнего представителя бихевиоризма, как Дж. Б. Уотсон, испещрены выражениями, заключающими психологическое содержание, как то: «ребенок *стремился* достать игрушку», или «он *избегал* прикосновения» и пр.

В действительности объективное наблюдение в психоло-

гии направлено не на реакции, не на внешние действия сами по себе, а на их психологическое содержание. При этом приходится считаться с тем, что внешний акт непосредственно не тождествен с внутренней операцией и потому неоднозначно ее определяет. Поэтому точка зрения тех психологов, которые считают, что психологическое содержание интуитивно, т. е. непосредственно, дано во внешнем объективном наблюдении чисто описательного типа, в конечном счете так же несостоятельна, как и точка зрения тех, которые считают психологическое содержание вообще недоступным для объективного наблюдения.

Психологическое истолкование внешних данных (движений и пр.) само непосредственно не дано; оно должно быть найдено на основе гипотез, которые не могут и не должны быть устранены в процессе объективного психологического наблюдения, но которые могут и должны быть в нем проверены. Судьба этих психологических истолкований решается в зависимости от того, приводит ли данное психологическое истолкование к раскрытию закономерных связей психических явлений, т. е. переходит ли описание в объяснение.

Описание явлений на основе наблюдения правильно, если заключенное в нем психологическое понимание внутренней психологической стороны внешнего акта дает закономерное объяснение его внешнего протекания в различных условиях.

Основное преимущество метода объективного наблюдения заключается в том, что он дает возможность изучать

психические процессы в естественных условиях; в частности, ребенка можно наблюдать в условиях обучения в школе. Однако при изучении явлений, в которых отношение между внешней стороной поведения и его внутренним психологическим содержанием более или менее сложно, объективное наблюдение, сохраняя свое значение, по большей части должно дополняться другими методами исследования. При этом всегда существенно сохранять в поле зрения конкретного испытуемого, живого ребенка, подлежащего изучению.

Широко пользуется объективным наблюдением, в частности, психология ребенка. Значительное количество записей, дневников зафиксировало обширный материал по психологии раннего детства.

Дневники велись частично и неспециалистами. Таковы главным образом дневники матерей (см. дневники А. Павловой, В. А. Шиловой, Э. Станчинской)⁴. Как на классический образец применения объективного наблюдения к психологическим проблемам можно в качестве примера указать на изучение выразительных движений в известном труде Ч. Дарвина о «Выражение ощущений»⁵.

---

⁴ Павлова А. Дневник матери. М., 1924; Шилова В. А. Мой дневник: Записи о развитии ребенка от рождения до 3,5 лет: В 2 ч. Орел, 1923; Э. Станчинская. Дневник матери. М., 1924.

⁵ Дарвин Ч. О выражении ощущений у человека и животных // Собр. соч.: В 3 т. М.-Л., 1927. Т. 2. Кн. 2.

Экспериментальный метод

Основные особенности эксперимента, обуславливающие его силу, заключаются в следующем. 1) В эксперименте исследователь *сам вызывает изучаемое им явление*, вместо того чтобы ждать, как при объективном наблюдении, пока случайный поток явлений доставит ему возможность его наблюдать. 2) Имея возможность вызывать изучаемое явление, экспериментатор может *варьировать*, изменять условия, при которых протекает явление, вместо того чтобы, как при простом наблюдении, брать их такими, какими ему их доставляет случай. 3) Изолируя отдельные условия и изменяя одно из них при сохранении неизменными остальных, эксперимент тем самым выявляет значение отдельных условий и устанавливает закономерные связи, определяющие изучаемый им процесс. Эксперимент, таким образом, очень мощное методическое средство для выявления закономерностей. 4) Выявляя закономерные связи между явлениями, эксперимент часто может варьировать не только сами условия в смысле их наличия или отсутствия, но и их количественные соотношения. В результате эксперимент устанавливает допускающие математическую формулировку количественные закономерности. В основном именно благодаря эксперименту естествознание пришло к открытию законов природы.

Основная задача *психологического* эксперимента заклю-

чается в том, чтобы сделать доступными для объективно-го *внешнего* наблюдения существенные особенности *внутреннего* психического процесса. Для этого нужно, варьируя условия протекания внешней деятельности, найти ситуацию, при которой внешнее протекание акта адекватно отражало бы его внутреннее психическое содержание. Задача экспериментального варьирования условий при психологическом эксперименте заключается прежде всего в том, чтобы вскрыть правильность одной-единственной психологической интерпретации действия или поступка, исключив возможность всех остальных.

Первоначальный вундтовский эксперимент был экспериментом психофизиологическим. Он заключался, по существу, в регистрации физиологических реакций, сопутствующих психическим процессам, которая сопровождалась самонаблюдением.

Вундтовский эксперимент был целиком построен на дуалистической теории внешнего параллелизма психического и физиологического. Эти методические принципы легли в основу экспериментальной методики и определили первые шаги экспериментальной психологии.

Но экспериментальная методика стала скоро прокладывать себе и несколько иные пути. Существенный этап составили в этом отношении исследования *Г. Эббингауза* о памяти (см. главу о памяти). Вместо того чтобы изучать исключительно соотношение между физическими раздражителями,

физиологическими процессами и сопутствующими им явлениями сознания, Эббингауз направил эксперимент на изучение протекания самого психического процесса в определенных объективных условиях.

Возникший в пограничной области психофизики и психофизиологии эксперимент в психологии в дальнейшем стал продвигаться от элементарных процессов ощущения к высшим психическим процессам; с этим продвижением в иные области связано было и изменение самого характера эксперимента. От изучения соотношения отдельного физического раздражителя или физиологического раздражителя и соответствующего ему психического процесса он перешел к изучению закономерностей протекания самих психических процессов в определенных объективных условиях. Из внешней *причины* физические факты стали *условиями* психического процесса. Эксперимент перешел на изучение его внутренних закономерностей.

С тех пор и главным образом за последние годы эксперимент получил очень многообразные формы и широкое применение в самых различных областях психологии – в психологии животных, в общей психологии и в психологии ребенка. При этом некоторые из новейших экспериментов отличаются большой строгостью методики; по простоте, изяществу и точности результатов они иногда не уступают лучшим образцам, созданным такими зрелыми экспериментальными науками, как, например, физика.

Ряд глав современной психологии может уже опереться на такие экспериментальные данные. Особенно богата ими современная психология восприятия.

Против лабораторного эксперимента выдвигались три соображения. Указывалось: 1) на искусственность эксперимента, 2) на аналитичность и абстрактность эксперимента и 3) на осложняющую роль воздействия экспериментатора.

Искусственность эксперимента, или его отдаленность от жизни, обусловлена не тем, что в эксперименте исключаются некоторые осложняющие условия, встречающиеся в жизненных ситуациях. Искусственным эксперимент становится, лишь поскольку в нем выпадают существенные для изучаемого явления условия. Так, эксперименты Г. Эббингауза о памяти над бессмысленным материалом являются искусственными, поскольку они не учитывают смысловых связей, между тем как в большинстве случаев эти связи играют существенную роль в работе памяти. Если бы теория памяти Эббингауза по существу была правильной, т. е. если бы лишь механические повторения, чисто ассоциативные связи определяли воспроизведение, эксперименты Эббингауза не были бы искусственными. Сущность эксперимента, в отличие от простого наблюдения, определяется не искусственностью условий, в которых он производится, а наличием воздействия экспериментатора на подлежащий изучению процесс. Поэтому искусственность традиционного лабораторного эксперимента нужно преодолевать прежде всего внутри

экспериментального метода.

Известная аналитичность и абстрактность были в значительной мере свойственны лабораторному эксперименту. Эксперимент обычно берет изучаемый им процесс изолированно, внутри одной определенной системы условий. Раскрытие взаимосвязи различных функций и изменения в процессе развития законов протекания психических процессов требуют дополнительных методических средств. Их доставляют главным образом генетический и патологический методы. Далее, эксперимент в психологии проводится обычно в условиях, далеких от тех, в которых протекает практическая деятельность человека. Так как закономерности, которые вскрывал эксперимент, были очень общего, абстрактного характера, то они не давали возможности непосредственных выводов для организации человеческой деятельности в производственном труде или педагогическом процессе. Попытка приложения этих абстрактных закономерностей к практике превращалась часто в механическое перенесение результатов, полученных в одних условиях, на другие, часто совершенно инородные. Эта абстрактность психологического эксперимента заставила искать новых методических приемов для решения практических задач.

Очень сложным и существенным является вопрос о влиянии воздействия экспериментатора на испытуемого. Для преодоления возникающих в связи с этим трудностей иногда стремятся устранить непосредственное воздействие экс-

периментатора и построить эксперимент так, чтобы сама ситуация, а не непосредственное вмешательство экспериментатора (инструкция и т. п.) вызывала у испытуемого подлежащие исследованию акты. Однако, поскольку эксперимент по самому существу своему всегда включает непосредственное либо опосредованное воздействие экспериментатора, то вопрос заключается не столько в том, чтобы устранить это воздействие, сколько в том, чтобы правильно учесть и организовать его.

При оценке и истолковании результатов эксперимента необходимо специально выявить и учесть отношение испытуемого к экспериментальному заданию и к экспериментатору. Это необходимо, потому что поведение испытуемого в эксперименте – это не автоматическая реакция, а конкретное проявление личности, которая устанавливает свое отношение к окружающему. Это отношение сказывается на ее поведении и в экспериментальной ситуации.

Пользуясь экспериментом в психологии, никогда нельзя забывать того, что всякое вмешательство экспериментатора, в целях изучения психических явлений, вместе с тем неизбежно оказывается и средством полезного или вредного воздействия на изучаемую личность. Особое значение это положение приобретает при изучении психологии ребенка. Оно накладывает ограничение на использование эксперимента, с которым нельзя не считаться. Необходимо также иметь в виду, что данные, полученные в экспериментальной ситуа-

ции, могут быть правильно истолкованы, только взятые в соотношении с условиями, в которых они получены. Поэтому, чтобы правильно интерпретировать результаты психологического эксперимента, необходимо сопоставить условия эксперимента с предэкспериментальной ситуацией и с условиями всего пути развития данного человека и интерпретировать непосредственные данные эксперимента применительно к ним.

Учитывая все это, необходимо: 1) преобразовать эксперимент изнутри, чтобы преодолеть искусственность традиционного эксперимента; 2) дополнить эксперимент другими методическими средствами. Для разрешения тех же задач: 3) вводятся методические варианты, являющиеся промежуточными формами между экспериментом и наблюдением, и другие вспомогательные методы.

Своеобразным вариантом эксперимента, представляющим как бы промежуточную форму между наблюдением и экспериментом, является метод так называемого *естественного эксперимента*, предложенный А. Ф. Лазурским.

Его основная тенденция сочетать *экспериментальность* исследования с *естественностью* условий – весьма ценна и значима. Конкретно эта тенденция у Лазурского в его методике естественного эксперимента реализуется следующим образом: при методе естественного эксперимента экспериментальному воздействию подвергаются условия, в которых протекает изучаемая деятельность, сама же деятельность ис-

пытуемого наблюдается в ее естественном протекании.

Так, например, предварительным анализом выявляется значимость различных предметов школьного обучения, их влияние на проявление тех или иных психических процессов ребенка, которые затем изучаются в естественных условиях школьной работы по данному предмету. Или предварительно устанавливается, в какой игре особенно ярко проявляется та или иная черта характера; затем в целях изучения проявлений этой черты у различных детей они вовлекаются в данную игру. В процессе этой игры исследователь наблюдает их деятельность, протекающую в естественных условиях. Вместо того чтобы переводить изучаемые явления в лабораторные условия, стараются учесть влияние и подобрать естественные условия, соответствующие целям исследования. В этих соответственно подобранных условиях подлежащие изучению процессы наблюдаются в их естественном протекании, без всякого вмешательства со стороны экспериментатора.

Мы вводим в наши исследования по психологии ребенка *другой вариант естественного эксперимента*. А. Ф. Лазурский избегал непосредственного воздействия на ребенка в интересах «естественности». Но в действительности ребенок развивается в условиях воспитания и обучения, т. е. определенным образом организованного воздействия на него. Соблюдение естественных условий развития поэтому никак не требует устранения всякого воздействия вообще. Воздей-

ствие, построенное по типу педагогического процесса, вполне естественно. Мы и вводим его в эксперимент, реализуя таким образом *новый вариант «естественного» эксперимента*, который должен, по нашему мнению, занять центральное место в методике психолого-педагогического исследования ребенка.

Мы изучаем ребенка, обучая его. Мы не отказываемся для этого от экспериментирования в пользу наблюдения за педагогическим процессом, а вводим элементы педагогического воздействия в сам эксперимент, строя изучение по типу экспериментального урока. Обучая ребенка, мы стремимся не зафиксировать стадию или уровень, на котором находится ребенок, а помочь ему продвинуться с этой стадии на следующую высшую стадию. В этом продвижении мы изучаем закономерности развития детской психики⁶.

Другие методы психологического исследования

а) В системе методов психологического исследования существенное место занимает изучение продуктов деятельности, или, точнее, *изучение* психических особенностей деятельности на основании *продуктов* этой деятельности. Этот метод обращается от прямого изучения протекания самой

---

⁶ См. сб. «Ученые записки кафедры психологии Гос. пед. ин-та им. Герцена». Т. 18, 34 и 35.

деятельности к изучению ее продуктов, для того чтобы по ним косвенно судить о психологических особенностях деятельности и, далее, действующего субъекта; потому этот метод иногда называют методом косвенного наблюдения (Рибо).

Этим методом широко пользуются в исторической психологии для изучения психологии человека в давно прошедшие исторические времена, недоступные уже для непосредственного наблюдения или экспериментирования.

При этом речь должна идти не о том, чтобы вывести – в духе идеализма – закономерности развития культуры из психологических закономерностей, а о том, чтобы понять закономерности психологического развития человека, опираясь на закономерности его общественно-исторического развития. Этим наше понимание этого метода принципиально, коренным образом отличается от того его по существу идеалистического применения, которое он получил, например, в десятитомной «Психологии народов» Вундта, рассматривавшего идеологические образования как проекцию человеческой психологии. Всякая попытка психологизировать общественные, идеологические образования, сводя их к психологическим закономерностям, в корне несостоятельна. Психологический анализ, исходящий из объективно материализованных продуктов человеческой деятельности, должен не подменять социально-исторический метод их изучения, а опираться на него.

Широко и очень плодотворно пользуются в детской психологии продуктами детского творчества для психологического изучения ребенка. Так, например, изучение детских рисунков пролило значительный свет на особенности детского восприятия.

б) Существенным звеном в методике психологического исследования является *беседа*, планомерно организованная исследователем в соответствии с задачами исследования. Беседа является вспомогательным средством для дополнительного освещения внутреннего протекания тех процессов, которые прочие объективные методы, исходящие из внешней деятельности, изучают в их объективном внешнем обнаружении. Беседа при этом не должна превращаться в попытку переложить решение проблем исследования с исследователя на исследуемого: она ни в коем случае не может сводиться к простой регистрации непосредственных данных самонаблюдения. Высказывания изучаемого лица должны соотноситься с объективными данными, со всей ситуацией, в которой происходит беседа, и подвергаться опосредованному истолкованию.

Вопросы, задаваемые в беседе, могут (при изучении мышления, например) представлять собой как бы задания, направленные на выявление качественного своеобразия изучаемых процессов. Но при этом задания эти должны быть максимально естественны и нестандартны. В беседе каждый последующий вопрос экспериментатора должен явиться

новым средством, служащим для опосредованного определения тех внутренних психических особенностей, которые оказались неоднозначно определенными предыдущими ответами. В силу этого их нужно варьировать от случая к случаю. Каждый последующий вопрос должен ставиться с учетом той измененной ситуации, которая создалась в результате ответа испытуемого на предшествующий вопрос. Будучи плановой, беседа не должна носить шаблонно-стандартного характера; она всегда должна быть максимально индивидуализированной. Соблюдение этих условий представляет, конечно, известные трудности; оно требует большого мастерства со стороны исследователя, но лишь при этих условиях беседа окажется плодотворной.

Такая беседа должна либо предшествовать, либо следовать за объективным изучением (посредством объективного наблюдения, эксперимента). Она может, наконец, и предшествовать и следовать за ним. Но она должна во всяком случае сочетаться с другими объективными методами, а не превращаться в самодовлеющий метод.

Беседа получает в психологии различное методическое оформление в зависимости от различия исходных установок различных исследователей. Фрейд ввел в целях психоанализа своеобразный вид психоаналитической беседы. Ее задача заключается в том, чтобы привести собеседника к осознанию и преодолению вытесненных из сознания влечений.

Другим вариантом беседы, получившим довольно широ-

кое распространение в детской психологии, является «клиническая беседа» Пиаже. Клиническая беседа Пиаже строилась так, чтобы выявлять исключительно спонтанные представления ребенка.

Наша беседа включает в себя сознательный и целенаправленный момент воздействия экспериментального и при изучении психологии детей – педагогического.

Наряду с вышеперечисленными позитивными частными методами психологического исследования, в обзоре методов, которыми фактически пользовались в психологии, нельзя не упомянуть анкетный и тестовый метод, с тем чтобы подвергнуть их специальному критическому анализу. Вопрос об анкетах и тестах приобрел у нас большую остроту в связи с той ролью, которую эти методы играли в порочной и вредной «теории» и практике педологов.

в) *Анкетный* метод ставит себе целью путем опроса некоторого круга лиц по определенной схеме собрать материал для разрешения определенной психологической проблемы. Эта схема фиксируется в анкете или опросном листе. Данные, которые получаются посредством анкеты, основываются большей частью не на систематическом наблюдении заполняющего ее лица и не допускают никакой проверки и дифференцированного анализа. Поэтому выводы, которые могут быть сделаны на основании каждой анкеты в отношении отдельного лица, не имеют ни малейшей научной ценности.

Сферой применения анкетного метода служат по преимуществу массовые явления более или менее внешнего порядка. Так, посредством анкетного метода могут обследоваться читательские или профессиональные интересы определенной группы лиц.

Если охват испытуемых в анкетном обследовании широк, то глубина его незначительна. Пользоваться анкетным методом для решения сколько-нибудь глубоких психологических проблем совершенно невозможно.

Анкеты как средство исследований подвергаются обычно статистической обработке и используются для получения статистических средних. Но статистические средние, как известно, имеют для исследования минимальную ценность, если они получаются в результате перекрытия величин, значительно отклоняющихся от этой средней как в одну, так и в другую сторону. Такие статистические средние не выражают закономерностей. Но в психологии при изучении высших, наиболее сложных психических процессов дело по большей части обстоит именно так. Поэтому анкеты, которые служат для получения таких статистических средних, не представляют сколько-нибудь значительной ценности для углубленного психологического исследования, направленного на раскрытие психологических закономерностей.

Зародившись в Англии (анкета Гальтона в 1880 г.), анкетный метод в психологии получил особенно широкое распространение в Америке. Со стороны европейских психоло-

гов он вначале встретил отрицательное отношение. Рибо писал: «Анкетный метод опирается на число. Это применение всеобщего голосования к проблемам психологии, и слишком часто он немногим отличается от тех вопросов на всевозможные темы, с которыми журналисты обращаются к широкой публике». Таково же в основном было отношение к этому методу ряда других видных психологов. Все указывали, что анкетный метод более пригоден для установления простых внешних фактов, чем для постановки сложных психологических проблем; он не дает сколько-нибудь надежных данных для их разрешения. Но анкетный метод получил затем все же некоторое распространение при изучении массовых явлений (сдвиги интересов и т. п.).

Анкетным методом у нас недопустимо злоупотребляли в педологической практике. Не учитывали поверхностности, а часто и сомнительного характера данных, доставляемых анкетами, неправомерности переноса выводов, полученных в результате статистической обработки, на конкретного индивида и того грубо антипедагогического воздействия, которое оказывали на детей часто совершенно в этом отношении недопустимые, бессмысленные вопросы «педологических» анкет.

г) Еще значительно острее стоит вопрос о тестах. Термин «тест» (test значит по-английски «проба» или «испытание») был введен в конце прошлого столетия американским психологом *Кеттелем*. Широкое распространение и практиче-

ское значение тесты приобрели с тех пор, как *Бине*, совместно с *Симоном*, разработал свою систему тестов для определения умственного развития или одаренности детей, а *Мюнстерберг* несколько позднее (в 1910 г.) начал разработку тестов в целях профессионального отбора.

Тесты Бине-Симона подвергались затем многочисленным переработкам *Терменом* (в Америке), *Бэртом* (в Англии) и др.

Тесты в собственном смысле слова – это испытания, которые ставят своей целью *градуирование*, определение *рангового места* личности в группе или коллективе, установление ее *уровня*. Тест направлен на *личность*; он должен служить средством *диагноза* в целях *прогноза*.

Термин «тест» получил в последнее время и более расширительное употребление, распространяемое собственно на всякое задание, даваемое испытуемому в ходе экспериментирования.

Метод тестов в первоначальном специфическом значении слова вызывает целый ряд серьезнейших возражений. Важнейшие из них следующие.

Когда два индивида решают или не решают один и тот же тест, то психологическое значение этого факта может быть самым различным: одно и то же достижение может быть обусловлено различными психическими процессами. Поэтому внешний факт решения или нерешения теста не определяет еще внутренней природы соответствующих психических

актов.

В основе метода тестов, который ставит диагноз о личности на основании статистической обработки внешних данных – результатов решения индивидуумом тех или иных задач, лежит механистический поведенческий подход к личности. Метод тестов пытается ставить диагноз о развивающейся личности на основании испытания, оторванного от наблюдения процесса ее развития и организации этого развития посредством обучения и воспитания.

Эта ошибка еще усугубляется, когда на основании того же тестового обследования делают прогноз, предполагая, что уровень, установленный посредством тестового испытания на одном этапе развития, будет характеризовать данного испытуемого и впредь. Тем самым принимают фатальную предопределенность всего дальнейшего пути развития человека наличными условиями и, сознательно или несознательно, отрицают возможность переделки человека: взрослого – в процессе общественной практики, ребенка – в процессе обучения и воспитания.

Когда различным индивидам, прошедшим различный путь развития, формировавшимся в различных условиях, предъявляют одни и те же стандартные тесты и на основании их решения непосредственно заключают об одаренности подвергшихся этому испытанию лиц, то допускают явную ошибку, а именно – не учитывают зависимости результатов от условий развития. Двое учеников или рабочих мог-

ли по-разному справиться с тестами, потому что у одного из учеников была меньшая подготовка и у одного из рабочих меньшая тренировка. Но в процессе обучения первые могут опередить вторых.

Тот факт, что определенные тесты решаются 75 процентами детей данного возраста определенной классовой среды, не дает основания признать их автоматическим критерием для определения «одаренности» или умственного развития детей, формирующихся в совсем иных условиях. Делать такое заключение, лежащее в основе тестовой методики, значит не учитывать обусловленности результатов испытания условиями развития тех конкретных живых людей, которые подвергались этим испытаниям.

Именно этот антинаучный подход к методике исследования, выражающийся в том, что результаты развития берутся безотносительно к условиям развития, и составляет теоретическую основу политически реакционных выводов тестологии.

На том основании, что представители порабощенных национальностей или эксплуатируемых классов капиталистического общества хуже справляются с тестами, приноровленными к словесному образованию, доступному в капиталистических государствах лишь представителям господствующего класса господствующей национальности, буржуазные тестологи неоднократно заключали о низшей одаренности представителей этих классов и национальностей. Но делать

такие заключения значит не только выявить свою политическую реакционность, но и обнаружить непонимание одного из основных и элементарных требований научного мышления.

Неудовлетворительность этого метода еще усугубляется тем, что в качестве диагностического средства используются стандартные системы или шкалы тестов и делается попытка штамповать личность посредством испытаний, сама постановка которых строится не на учете индивидуальных различий, а на пренебрежении ими.

Нельзя, наконец, не отметить и казуистического, иногда провокационного, содержания тестовых испытаний, обычно не учитывающего специфической подготовки данного испытуемого. Давая задания, не связанные с обучением, они, однако, претендуют – совершенно неправомерно – на то, чтобы из них делались выводы именно относительно обучаемости испытуемых.

Критика методов тестов и анкет упирается в конечном счете в принципиальный вопрос, правильное решение которого должно придать новое направление всей методике нашего психологического исследования. Речь по существу идет о понимании личности и специфическом подходе к ней в процессе исследования.

Одной из основных особенностей методики современной зарубежной психологической науки является ее обезличенный характер. В процессе исследования человек становится

для экспериментатора только испытуемым, переставая быть личностью, которая прошла определенный специфический путь развития, относится определенным образом к тому, что происходит в экспериментальной ситуации, и действует в зависимости от этого отношения. Такое направление исследования оказывается принципиально несостоятельным, особенно там, где изучению подлежат более сложные психические проявления личности.

д) В основе *генетического* метода лежит та мысль, что каждое явление познается в его развитии. Эта мысль может получить две резко отличные реализации: в духе эволюционистского и в духе диалектического понимания развития.

Если эволюция мыслится как только количественное нарастание и усложнение, а не качественная перестройка, высшие, более поздние формы в эволюционном ряду отличаются от предшествующих только усложненностью. В таком случае закономерности высших, т. е. более сложных, форм могут изучаться на низших, где они выступают в менее усложненной, а поэтому более доступной для изучения форме. Вот почему исследователи, стоящие на этой точке зрения, сдвигают центр исследования к младенческим годам.

Поэтому же в плане сравнительной психологии исследования производятся по преимуществу над низшими, элементарными формами рефлексорного поведения животных, с тем чтобы полученные там закономерности механически перенести на высшие формы человеческого поведения. В пер-

вых в наименее усложненной и наиболее доступной для исследования форме непосредственно даны законы высших. Таково основное положение этой методики. Центральная идея, которая лежит в основе эволюционной трактовки генетического метода, заключается в следующем: законы поведения на всех ступенях развития одни и те же; психологические законы – неизменные, «вечные» законы.

Основная идея диалектического понимания генетического метода, напротив, гласит: *законы психологии не «вечные», они исторические законы*; на каждом этапе развития они другие. Это та великая мысль, которую впервые сформулировал Маркс. Маркс применил ее к изучению общественных формаций. Она должна быть осуществлена и в психологии. Основное положение – явления познаются в их развитии – получает новый углубленный смысл: сами законы не представляют из себя чего-то неподвижного, неизменного; *каждая ступень развития имеет свои законы*. Равно неправомерно как механическое перенесение законов низших ступеней на высшие, так и высших – на низшие. С переходом на новую ступень развития изменяются не только явления, но вместе с ними и законы, их определяющие. Одно и то же явление может на разных ступенях развития подчиняться различным законам (Маркс показал это на примере закона увеличения народонаселения в различных общественных формациях). Задача генетического метода – раскрыть происходящие в процессе развития изменения самих законов.

Объяснение этих изменений, являющихся изменениями психики в целом, требует выявления выходящих за пределы психики объективных условий развития. Генетическое изучение развития не только явлений, но и законов, их определяющих, раскрывает движущие силы развития и определяет его условия.

Генезис и развитие психики могут также изучаться в процессе биологического развития данного рода или вида. Генетический метод в таком случае осуществляется в форме *филогенетического метода*. Изучение психики на предшествующих этапах филогенетического развития служит средством познания психики человека. Психология животных – зоопсихология – изучается обычно в таком плане сравнительной психологии.

Применительно к психологии человека перед генетическим методом встает еще другая задача – раскрыть пути развития человеческой психики на протяжении социально-исторического развития человечества: генетический метод осуществляется в форме *исторического метода*. Исследуя психическое развитие человечества, прослеживая пути формирования сложных процессов (например речи, мышления) от их примитивных к их современным, развитым формам, он обнаруживает движущие силы психического развития в изменении социальных отношений.

Генезис и развитие психики может изучаться в процессе развития индивида от его рождения до зрелого возраста: ге-

нетический метод в таком случае осуществляется в форме *онтогенетического метода*. Так, развитие психики ребенка служит средством понимания психики взрослого человека, причем одновременно психика ребенка и пути ее развития освещаются посредством закономерностей более развитых форм зрелой психики.

Каждая из ступеней психического развития как в фило-, так и в онтогенезе должна быть реальным, датированным образованием, однозначно отнесенным к объективно определенным условиям, а не абстрактной конструкцией, переходящей путем абстрактной диалектики в другую такую же абстрактную конструкцию: метод Маркса не должен быть подменен методом Гегеля.

е) Использование *патологии*, нарушений психической жизни для познания закономерностей нормальной психики оказало за последние десятилетия большие услуги психологии. Некоторые из авторитетных современных психологов даже утверждали, что «психопатология за последние 50 лет была главным фактором прогресса в психологии» (Lalande).

Каждая функция и процесс могут быть изучены и в их патологической форме: восприятие – на галлюцинациях и «духовной слепоте», память – на «амнезиях», речь – на афазиях, воля – на абулиях и т. д. При этом всякое патологическое нарушение представляет собою как бы естественный эксперимент, организованный самой природой. Выключая или изменяя одну какую-нибудь функцию внутри целостно функциони-

онирующей психики, оно дает тем самым возможность как бы экспериментально установить роль этой функции внутри целого, связи ее с другими функциями и их взаимозависимости. Так, психопатологические исследования последних лет (Г. Хэда (Head), А. Гельба, К. Гольдштейна и др.), раскрыв исключительной глубины связи между нарушениями речи (афазия), познания (агнозия) и действия (апраксия), проливают яркий свет на взаимосвязи речи, познания и действия в их нормальных проявлениях.

Однако, как ни велико значение психопатологии для психологии, не следует его преувеличивать и механически переносить полученные на патологическом материале результаты на нормальную психику. При нарушении одной функции видоизмененной оказывается вся психика больного. Значит, и взаимоотношения между функциями в психике больного человека иные, чем у здорового. Совершенно неправомерно поэтому отождествлять более ранние формы психики, имевшие место в процессе исторического или индивидуального развития, с распадом высших форм, получающимся в результате патологических нарушений. Черты сходства, которые могут быть таким образом установлены между больной и здоровой психикой, часто носят поверхностный и всегда частичный характер. В частности, в корне порочны попытки определить или охарактеризовать психологические особенности предшествующих зрелости возрастов посредством параллелей с какими-нибудь патологическими формами (как

это делал, особенно в отношении подросткового возраста, например, Кречмер).

Система основных психологических методов, в совокупности своей позволяющая психологии разрешать все стоящие перед нею задачи, развернута в своих основных звеньях. В этой ориентировочной характеристике методов даны, конечно, лишь общие рамки. Каждый метод, чтобы стать действительным средством научного исследования, должен явиться сначала результатом исследования. Он не форма, извне накладываемая на материал, не внешний только технический прием. Он предполагает знание реальных зависимостей: в физике – физических, в психологии – психологических.

Рефлексологический метод в физиологии, который служит средством физиологического исследования, был построен на предварительном открытии и изучении рефлексов; он и результат и средство изучения закономерностей рефлекторной деятельности – сначала результат и лишь затем средство; точно так же ассоциативный эксперимент опирается на учение об ассоциациях. Поэтому каждая психологическая дисциплина имеет свою методику, отличную от методики других; методы психологии животных отличны от методов психологии человека: отпадает самонаблюдение, и преобразуются другие методы. И каждая отдельная проблема имеет свою специальную методику, предназначенную для ее изучения. В связи с определением предмета психоло-

гии здесь намечены только основные виды методов и общие принципы их построения.

Глава III. История психологии

История развития западной психологии

Психология и очень старая, и совсем еще молодая наука. Она имеет за собой тысячелетнее прошлое, и тем не менее она вся еще в будущем. Ее существование как самостоятельной научной дисциплины исчисляется лишь десятилетиями; но ее основная проблематика занимает философскую мысль с тех пор, как существует философия. Годам экспериментального исследования предшествовали столетия философских размышлений, с одной стороны, и тысячелетия практического познания психологии людей – с другой.

Психология в Древнем мире (Древняя Греция)

Согласно очень распространенному представлению, господствующему в традиционной схеме истории психологии, первые психологические воззрения возникают как плод оторванных от практики «метафизических» умозрений, связанных с религиозными представлениями. В действительности же, как свидетельствует подлинная история науки, уже ранние представления древних греческих философов возника-

ют в процессе практического познания человека, в тесной связи с накоплением древними натурфилософами и врачами реальных знаний, и развиваются они в борьбе зарождающейся научной мысли против религии с ее мифологическими представлениями о мире вообще и о душе в частности.

Древнегреческие милетские натурфилософы VII в. до н. э., противопоставляя религиозным воззрениям свое стихийно-материалистическое, естественное объяснение мира, выдвигают представление о мире как едином целом, и это единство мира выступает у них в форме единой мировой материи. Материя у них является еще не дифференцированным единством материального и духовного. Душа включается или, точнее, не выделяется ими из всеобщего единства материального мира. В этом первичном, стихийно-материалистическом представлении милетских натурфилософов об единстве мира жизнь и психика и даже живое и неживое еще не расчленены. Их наивное мышление не различает различных качественных сторон и ступеней бытия. Мысль ионических натурфилософов сосредоточена на внешней природе: они «физики», занятые решением тех вопросов – измерения тел, астрономических наблюдений, которые представляют практический интерес для ионической промышленности.

Великий диалектик *Гераклит*, который рассматривает космос как единство противоположностей в потоке непрерывного изменения, делает как будто первый значительный шаг на пути к дифференциации единства бытия. В самой ду-

ше, включенной в поток мирового становления, который течет двумя противоположными потоками «по пути вверх и по пути вниз», Гераклит впервые различает разные уровни души и разные формы связи ее с миром: высший уровень души порождается связью ее с логосом, с мировым законом. Конкретное различие живого и неживого, жизни и психики и даже различных уровней психики, души требовало положительных знаний. Они накапливаются натурфилософами и врачами. Алкмеон еще в VI в. до н. э., впервые связывая душу с мозгом, начинает различать мышление и ощущение и связывает последнее с органами чувств.

На этой основе формируется первая система уже не только стихийного материализма, и начинается борьба материалистических и идеалистических воззрений на психику. *Демокрит* (V–IV в. до н. э.), создатель первой в истории античной философии – большой материалистической системы, строит первую последовательно разработанную материалистическую психологию. Различая уже, по-видимому, психическое и физическое, он стремится объяснить психические процессы как продукт движения очень тонких и совершенных атомов. Исходя из общего материалистического учения, он специально разрабатывает теорию восприятия, которое он объясняет как результат проникновения в наши органы чувств исходящих из вещей мельчайших атомов, являющихся образами ($\epsilon\iota\delta\omega\lambda\alpha$) этих вещей. Материалистические традиции Демокрита получают затем дальнейшее развитие, осо-

бенно у *Эпикура* и позже в Риме у *Лукреция Кара*.

Почти одновременно с оформлением материалистического учения у Демокрита, классическое оформление получает и идеалистическое направление. Связанный с религиозными сектами (орфиков) *Платон* в ряде своих диалогов (особенно в «Федоне», в «Государстве» и др.) развивает идеалистическое учение о душе в классической для всей последующей идеалистической философии форме. Душа для него – «идея», вечная, бессмертная сущность; бессмертная душа отделяется от тела. Позитивным результатом платоновского учения о душе является отчетливая дифференциация души и тела, психического и физического, и дальнейшая дифференциация внутри души различных ее частей – разумной, обращенной к идеям, аффективно-волевой и чувственной, обращенной к вожделению. Дифференциация души и тела, духовного и материального, однако, превращена у Платона в полный разрыв между ними. Идеалистические традиции Платона получают дальнейшее развитие в идеалистическом течении философской мысли – особенно яркое у Плотина, оказавшего затем значительное влияние на некоторых представителей христианства (Августин).

Все позитивные достижения натурфилософов и врачей, весь накопленный ими опыт конкретного познания душевной деятельности людей обобщает крупнейший философ Древней Греции – *Аристотель*. Он пишет первый специальный трактат «О душе», в котором дается анализ различных

сторон психики. В трактатах Аристотеля заключен целый ряд положений, в частности о памяти, об эмоциях, о переходе от ощущения к «общему восприятию» и от него к обобщенному представлению, от мнения через понятие – к знанию, от непосредственно ощущаемого желания – к разумной воле, которые не утратили значения и по сей день.

В общей философской концепции Аристотель стремится первым делом преодолеть открытый дуализм своего учителя Платона. Для Аристотеля душа и тело неотделимы друг от друга, как форма и материя; душа – неотделимый от органической жизни организующий принцип ее. Каждая область или уровень органических функций имеет свою душу. Тело – это организм, поскольку оно совокупность органов или орудий души; душа – сущность тела. Поэтому учение о душе для Аристотеля – это общее учение о жизни и ее функциях, включающее органические ее отправления, так же как и сознательную жизнь.

В соответствии с такой органической трактовкой души, включающей ее в общее учение о жизни, Аристотель первый отчетливо формулирует идею развития применительно к психике. Он различает как бы три разных вида души – растительную, животную и разумную. Каждую из них он относит к определенному уровню органической жизни: первая специфична для растений, еще не обладающих ни специальными органами восприятия, ни центральным регулирующим органом; вторая – для животных, у которых уже име-

ются дифференцированные органы ощущения и движения; третья – для человека, обладающего познающим и деятельным разумом. Являясь, с одной стороны, последовательными формами развития психики у растений, животных и человека, они, по Аристотелю, вместе с тем все связаны у человека с различными функциями его души – питательной, чувствующей и рассудочной.

Натуралистическая и литература стихийно-материалистическая внизу, в своих истоках, психологическая система Аристотеля является вместе с тем идеалистической вверху – главным образом в учении о разуме, познающем самого себя. Именно эта идеалистическая надстройка в сочетании с богатством конкретного содержания сделала Аристотеля главным учителем официальной, школьной – схоластической – философии в Средние века. Аристотеля и его трактат «О душе» можно с полным основанием считать итогом и завершением того, что дал в области психологии Древний мир.

Психология в Средние века (до эпохи Возрождения)

В Средние века, в эпоху феодализма, церковь, идеологический оплот феодального общества, превратила науку в служанку богословия, стремясь подчинить знание вере. В философии, для господствующей школьной (схоластической) философии, по вопросам психологии, так же как и

по всем вопросам науки, главным авторитетом признается Аристотель. В его учении при этом односторонне подчеркиваются лишь идеалистические его стороны (учение о разуме), и все оно приспособляется к установкам христианского богословия. Наряду с традициями таким образом переработанного Аристотеля, отражающимися в рационалистическом идеализме схоластики (*Фома Аквинский*), сохраняются и традиции неоплатонизма, своеобразно преломляющиеся у мистиков и в окрашенном мистицизмом идеализме *Августина*. Однако и в эпоху Средневековья борьба материализма и идеализма не прекращается. Материалистические тенденции сказываются в этот период, предшествующий эпохе Возрождения, главным образом у арабских ученых (*Авиценна* в XI в., *Аверроес* в XII в., *Алгаценна* в XIII в.), разрабатывающих психофизиологию ощущений и эмпирические закономерности течения представлений.

Материалистические тенденции просачиваются временами даже и в схоластическую философию. Так, британский схоластик *Дунс Скотт* ставил уже вопрос: «Не способна ли материя мыслить?» К этому приводило развитие научной мысли в связи с развитием производительных сил.

Психология в эпоху Возрождения

Начавшееся в XIII в. развитие ремесел и торговли приводит в XIV–XV вв., главным образом в некоторых городах

по Средиземному морю, к зарождению первых зачатков капиталистического производства и разложению феодализма. Эти сдвиги в производственных отношениях вызывают бурный расцвет культуры, искусства и науки. Мрачному аскетизму и религиозной созерцательности, проповедовавшимися христианской церковью, противопоставляется в эту эпоху, получившую недаром название эпохи гуманизма, – культ активного, жизнерадостного человека.

В эпоху гуманизма в связи с возросшим интересом к человеку, нашедшим себе отражение в большом количестве относящихся к этому времени мемуаров, биографий, жизнеописаний, привлекает к себе внимание вопрос об особенностях личности и влиянии на нее природных и других условий. Интерес к этим проблемам конкретной психологии выражается в целом ряде трактатов, начиная с работы известного гуманиста Людвига Вивеса («De anima et vita», 1538) и кончая более поздними работами, посвященными познанию людей и проблеме характеров (как то: трактат Ла Шамбра «L'Art de connaître les hommes», 1648, и Лабрюера «Les Caractères de Theophraste», 1688).

В XVI в. впервые появляется и сам термин «психология» для обозначения нашей науки: в 1590 г. Гоклениус публикует первую работу под этим заглавием, а в 1594 г. его ученик Гасман – вторую.

Психология в XVII–XVIII вв. и первой половине XIX в.

Новая эпоха в развитии как философской, так и психологической мысли начинается с развитием в XVII в. (в связи с нуждами промышленности и развитием техники) материалистического естествознания, открывающего новые пути научного познания природы, и оформлением на его основе новых методов и принципов научного знания.

Если для каждого этапа исторического развития можно вскрыть преемственные связи, соединяющие его как с прошлым, так и с будущим, то некоторые периоды, сохраняя эти преемственные связи, все же выступают как поворотные пункты, с которых начинается новая эпоха; эти периоды связаны с будущим теснее, чем с прошлым. Таким периодом для философской и психологической мысли было время великих рационалистов (Р. Декарт, Б. Спиноза) и великих эмпириков (Ф. Бэкон, Т. Гоббс), которые порывают с традициями богословской «науки» и закладывают методологические основы современного научного знания.

Особое место в истории психологии принадлежит среди них *Р. Декарту*, идеи которого оказали особенно большое влияние на ее дальнейшие судьбы. От Декарта ведут свое начало важнейшие тенденции, раскрывающиеся в дальнейшем развитии психологии. Декарт вводит одновременно два

понятия: понятие *рефлекса* – с одной стороны, современное интроспективное понятие *сознания* – с другой. Каждое из этих понятий отражает одну из вступающих затем в антагонизм тенденций, которые сочетаются в системе Декарта.

Один из основоположников механистического естествознания, объясняющий всю природу движением протяженных тел под воздействием внешнего механического толчка, Декарт стремится распространить этот же механистический идеал на объяснение жизни организма. В этих целях он вводит в науку понятие рефлекса, которому суждено было сыграть такую большую роль в современной физиологии нервной деятельности. Исходя из этих же тенденций, подходит Декарт к изучению аффектов – явлений, которые он считает непосредственно связанными с телесными воздействиями. Так же как затем Б. Спиноза, который с несколько иных философских позиций тоже подошел к этой излюбленной философско-психологической проблеме XVII в., посвятив ей значительную часть своей «*Этики*», Декарт стремится подойти к изучению страстей, отбрасывая религиозно-моральные представления и предрассудки, – так, как подходят к изучению материальных природных явлений или геометрических тел. Этим Декарт закладывает основы механистического натуралистического направления в психологии.

Но вместе с тем Декарт резко противопоставляет в заостренном дуализме душу и тело. Он признает существование двух различных субстанций: материя – субстанция протя-

женная (и не мыслящая), и душа – субстанция мыслящая (и не протяженная). Они определяются разнородными атрибутами и противостоят друг другу как друг от друга независимые субстанции. Этим разрыв души и тела, психического и физического, становится в дальнейшем камнем преткновения и сложнейшей проблемой философской мысли. Центральное место займет эта психофизическая проблема у *Б. Спинозы*, который попытается снова объединить мышление и протяжение как два атрибута единой субстанции, признав соответствие «порядка и связи идей» – «порядку и связи вещей», а душу идее тела.

Заостренный у Р. Декарта дуализм – раздвоение и отрыв духовного и материального, психического и физического, который Спиноза пытается преодолеть, приводит к борьбе мировоззрений, разгорающейся после Декарта, к созданию ярко выраженных систем механистического материализма или натурализма, с одной стороны, субъективизма, идеализма или спиритуализма – с другой. Материалисты (начиная с Т. Гоббса) попытаются свести психическое к физическому, духовное к материальному; идеалисты (особенно ярко и заостренно у Дж. Беркли) материальное – к духовному, физическое – к психическому.

Но еще существеннее для психологии, чем заложенное в системе Декарта дуалистическое противопоставление души и тела, психического и физического, та новая трактовка, которую получает у Декарта само понимание душевных явле-

ний. У Декарта впервые оформляется то понятие сознания, которое становится центральным понятием психологии последующих столетий. Оно коренным образом отличается от понятия «душа» («психэ») у Аристотеля. Из общего принципа жизни, каким оно было у Аристотеля, душа, дух превращается в специальный принцип сознания. В душе совершается раздвоение жизни, переживания и познания, мысли, сознания. Декарт не употребляет термина «сознание»; он говорит о духе (*mens*), но определяет его как «все то, что происходит в нас так, что мы сами непосредственно это в себе воспринимаем» (*Р. Декарт. «Принципы». Ч. I. § 9; Р. Декарт. Начала философии. Ч. I. § 9 // Избр. произв. М., 1950. С. 429*). Другими словами, Декарт вводит принцип интроспекции, самоотражения сознания в себе самом. Он закладывает, таким образом, основы интроспективного понятия сознания как замкнутого в себе внутреннего мира, которое отражает не внешнее бытие, а самого себя.

Выделив понятие сознания из более широкого понятия психического и свершив этим дело первостепенного значения для истории философской и психологической мысли, Декарт с самого начала придал этому понятию содержание, которое сделало его узловым пунктом философского кризиса психологии в XX в. Механистическая натуралистическая трактовка человеческого поведения и элементарных психофизических процессов сочетается у Декарта с идеалистической, спиритуалистической трактовкой высших проявлений

духовной жизни. В дальнейшем эти две линии, которые у Декарта исходят из общего источника, естественно и неизбежно начинают все больше расходиться.

Идеалистические тенденции Декарта получают дальнейшее свое развитие у Н. Мальбранша и особенно у *Г. Лейбница*. Представление о замкнутом в себе внутреннем мире сознания превращается у Лейбница в общий принцип бытия: все сущее в его монадологии мыслится по образу и подобию такого замкнутого внутреннего мира, каким оказалось у Декарта сознание. Вместе с тем в объяснении душевных явлений, как и в объяснении явлений природы, Лейбниц самым существенным образом расходится с Декартом в одном для него центральном пункте: для Декарта все в природе сводится к протяженности, основное для Лейбница – это сила; Декарт ищет объяснения явлений природы в положениях геометрии, Лейбниц – в законах динамики. Для Декарта всякое движение – результат внешнего толчка; из его системы выпала всякая внутренняя активность; для Лейбница она – основное. С этим связаны недостаточно еще осознанные и освоены основные его идеи в области психологии. В центре его психологической системы – понятие *apperceptions*. Он оказал в дальнейшем существенное влияние на И. Канта, И. Ф. Гербарта и В. Вундта. У Г. Лейбница же в его «бесконечно малых» перцепциях, существующих помимо сознания и рефлексии, впервые намечается понятие бессознательного.

Интуитивно- или интроспективно-умозрительный метод,

который вводится Декартом для познания духовных явлений, и идеалистически-рационалистическое содержание его учения получает дальнейшее, опосредованное Лейбницем, но лишенное оригинальности его идей, продолжение в абстрактной рационалистической системе *X. Вольфа* («*Psychologia empirica*», 1732, и особенно «*Psychologia rationalis*», 1740). Продолжение идеи Вольфа, дополненное эмпирическими наблюдениями над строением внутреннего мира, получает свое выражение в сугубо абстрактной и научно в общем бесплодной немецкой «психологии способностей» (И. Н. Тетенс); единственное ее нововведение, оказавшее влияние на дальнейшую психологию, это трехчленное деление психических явлений на разум, волю и чувство.

С другой стороны, тенденция, исходящая от того же Р. Декарта, связанная с его механистическим материализмом, получает продолжение у французских материалистов XVIII в., материализм которых, как указывал К. Маркс, имеет двойственное происхождение: от Декарта, с одной стороны, и от английского материализма – с другой⁷. Начало картезианскому течению французского материализма кладет Э. Ле-Руа; свое завершение оно получает у *П. Ж. Ж. Кабаниса* (в его книге «*Rapport du Physique et du Morale chez l'Homme*»), у *П. А. Гольбаха* и особенно у *Ж. О. де Ламеттри* («Человек-машина»); механистический материализм декартовской натурфилософии сочетается с английским сенсуалистиче-

---

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. III. 1929. С. 157.

ским материализмом Дж. Локка.

Радикальный сенсуалистический материализм зарождается с появлением капиталистических отношений в наиболее передовой стране того времени – Англии. Английский материализм выдвигает два основных принципа, оказавших существенное влияние на развитие психологии. Первый – это принцип *сенсуализма*, чувственного опыта как единственного источника познания; второй – это принцип *атомизма*, согласно которому задача научного познания психических, как и всех природных явлений, заключается в том, чтобы разложить все сложные явления на элементы, на атомы и объяснить их из связи этих элементов.

Умозрительному методу рационалистической философии английский эмпиризм противопоставляет опыт. Новые формы производства и развитие техники требуют не метафизических умозрений, а положительного знания природы: начинается расцвет естествознания.

Молодая буржуазия, вновь пришедший к жизни класс, чужда тенденций стареющего мира к уходу от жизни в умозрение. Интерес к потусторонним сущностям метафизики меркнет перед жадным практическим интересом к явлениям жизни в их чувственной осязательности. Устремленная к овладению природой в связи с начинающимся развитием техники мысль обращается к опыту. *Ф. Бэкон*, родоначальник английского материализма, первый в философии капиталистической эпохи иногда наивно, но ярко и знаменатель-

но выражает эти тенденции.

Тенденции материалистического сенсуализма вслед за Бэконом продолжает П. Гассенди, воскресивший идеи Эпикура. Идеи Бэкона систематизирует Т. Гоббс (1588–1679), который развивает материалистическое и сенсуалистическое учение о психике. Он выводит все познание, а также и волю, из ощущений, а ощущение признает свойством материи. У Гоббса, по определению Маркса, «материализм становится *односторонним*». У Бэкона «материя улыбается своим поэтическим чувственным блеском всему человеку». У Гоббса «чувственность теряет свои яркие краски и превращается в абстрактную чувственность *геометра*». «Материализм становится *враждебным человеку*. Чтобы преодолеть *человеконенавистнический, бесплотный* дух в его собственной области, материализм должен сам умертвить свою плоть и сделаться *аскетом*»⁸.

Дальнейшее развитие и непосредственное применение к психологии принципы эмпирической философии получают у Дж. Локка (1632–1704).

Критика умозрительного метода, направленного на познание субстанций, в локковской теории познания ведется в интересах поворота от умозрительной метафизики к опытному знанию. Но наряду с ощущением источником познания внешнего мира Локк признает «внутреннее чувство», или рефлексии, отражающую в нашем сознании его же соб-

---

⁸ Локк Дж. Опыт о человеческом разуме. М., 1898. С. 80.

ственную внутреннюю деятельность; она дает нам «внутреннее непогрешимое восприятие собственного бытия»⁹. Сам опыт, таким образом, разделяется на внешний и внутренний. Гносеологический дуализм надстраивается у Локка над первоначальной материалистической основой сенсуализма. У Локка оформляются основы новой «эмпирической психологии». На смену психологии как науке о душе выдвигается «психология без души» как наука о явлениях сознания, непосредственно данных во внутреннем опыте. Это понимание психологии определяло судьбы психологии вплоть до XX в.

Из всей плеяды английских эмпиристов именно Локк имел, бесспорно, наибольшее значение непосредственно для психологии. Если же мы присмотримся к позиции Локка, то неизбежно придем к поразительному на первый взгляд, но бесспорному выводу: несмотря на то, что Локк как эмпирист противостоит рационализму Р. Декарта, он по существу в своей трактовке внутреннего опыта как предмета психологии дает лишь эмпирический вариант и сколок все той же декартовской концепции сознания. Предметом психологии является, по Локку, внутренний опыт; внутренний опыт познается путем рефлексии, отражения нашего внутреннего мира в себе самом; эта рефлексия дает нам «внутреннее непогрешимое восприятие своего бытия»: такова локковская тран-

---

⁹ Локк Дж. Опыт о человеческом разуме. М., 1898. С. 624; Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Избр. философ. произв.: В 2 т. М., 1960. Т. 1. С. 600.

скрипция декартовского «*cogito ergo sum*» («я мыслю, значит я существую»). Вместе с тем Локк, по существу, тем самым устанавливает интроспекцию как специфический путь психологического познания и признает ее специфическим и притом «непогрешимым» методом познания психики. Так в рамках эмпирической психологии устанавливается интроспективная концепция сознания как особого замкнутого в себе и самоотражающегося внутреннего мира.

Сенсуалистические идеи Локка далее развивает во Франции Э. Б. де Кондильяк (1715–1780), который придает локковскому сенсуализму более радикальный характер. Он отвергает, как и Д. Дидро (который выпускает свой трактат по психологии под показательным названием «Физиология человека»), К. А. Гельвеций, Ж. О. де Ламеттри, Ж. Б. Р. Робине и другие французские материалисты, «рефлексию» или внутреннее чувство Локка в качестве независимого от ощущения источника познания. В Германии сенсуалистический материализм выступает обогащенный новыми мотивами, почерпнутыми из классической немецкой идеалистической философии первой половины XIX в., в философии Л. Фейербаха.

Второй из двух основных принципов английского сенсуалистического материализма, который мы обозначили как принцип атомизма, получает свою конкретную реализацию в психологии в учении об ассоциациях. Основоположниками этого ассоциативного направления в психологии, оказав-

шегося одним из наиболее мощных ее течений, являются *Д. Юм* и *Д. Гертли*. Гертли закладывает основы ассоциативной теории на базе материализма. Его ученик и продолжатель *Дж. Пристли* (1733–1804) провозглашает обусловленность всех психических явлений колебаниями мозга и, отрицая принципиальную разницу между психическими и физическими явлениями, рассматривает психологию как часть физиологии.

Идея ассоциативной психологии получает в дальнейшем особое развитие – но уже не на материалистической, а на феноменалистической основе – у *Д. Юма*. Влияние, оказанное Юмом на дальнейшее развитие философии, особенно английской, очень сильно способствовало распространению ассоциативной психологии.

Под несомненным влиянием ньютоновской механики и ее закона притяжения Юм вводит в качестве основного принципа ассоциацию как своего рода притяжение представлений, устанавливающее между ними внешние механические связи. Все сложные образования сознания, включая сознание своего «я», а также объекты внешнего мира являются лишь «пучками представлений», объединенных между собой внешними связями – ассоциациями. Законы ассоциаций объясняют движение представлений, течение психических процессов и возникновение из элементов всех сложных образований сознания.

Таким образом, и внутри ассоциативной психологии друг

другу противостоят материалистическое направление, которое связывает или даже сводит психические процессы к физиологическим, и субъективно-идеалистическое направление, для которого все сводится к ассоциации субъективных образов-представлений. Эти два направления объединяет механицизм. Ассоциативное направление оказалось самым мощным течением оформившейся в середине XIX в. психологической науки.

Отмечая значение тех социальных сдвигов, которые совершаются в истории Европы на переломе от XVII к XVIII в., для истории науки, Ф. Энгельс характеризует это время как период превращения знания в науку («знание стало наукой, и науки стали совершеннее, т. е. примкнули, с одной стороны, к философии, с другой – к практике»)¹⁰. В отношении психологии нельзя полностью сказать того же, что говорит Энгельс в этом контексте о математике, астрономии, физике, химии, геологии. Она в XVIII в. еще не оформилась окончательно в подлинно самостоятельную науку, но и для психологии именно в это время были созданы философские основы, на которых затем в середине XIX в. было воздвигнуто здание психологической науки. У Р. Декарта параллельно с понятием рефлекса впервые выделяется современное понятие сознания; у Дж. Локка оно получает эмпирическую интерпретацию (в понятии рефлексии), определяющую его трак-

---

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. II. 1929. С. 349; Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 599.

товку и в экспериментальной психологии в период ее зарождения и первых этапов развития. Обоснование у английских и французских материалистов связи психологии с физиологией и выявление роли ощущений создает предпосылки для превращения психофизиологических исследований органов чувств первой половины XIX в. в исходную базу психологической науки. Р. Декарт и Б. Спиноза закладывают основы новой психологии аффектов, отзвуки которой сказываются вплоть до теории эмоций Джемса – Ланге. В этот же период у английских эмпириков – у Д. Гертли, Дж. Пристли и затем у Д. Юма – под явным влиянием идей ньютоновской механики формулируется основной объяснительный принцип, которым будет оперировать психологическая наука XIX в., – принцип ассоциаций. В этот же период у Г. Лейбница в понятии апперцепции (которое затем подхватывает В. Вундт) намечаются исходные позиции, с которых в недрах психологической науки XIX в. на первых порах будет вестись борьба против механистического принципа ассоциации в защиту идеалистически понимаемой активности.

Немецкая идеалистическая философия конца XVIII и начала XIX в. на развитие психологии сколько-нибудь значительного непосредственного влияния не оказала.

Из представителей немецкого идеализма начала XIX в. часто отмечалось влияние *И. Канта*. Кант сам, однако, лишь попутно касается некоторых частных вопросов психологии (например, проблемы темперамента в «Антрополо-

гии»), громит с позиций «трансцендентального идеализма» традиционную «рациональную психологию» и, поддаваясь влиянию в общем бесплодной немецкой психологии способностей (главного представителя которой, И. Н. Тетенса, он очень ценит), относится крайне скептически к возможности психологии как науки. Но влияние его субъективного идеализма отчетливо сказывается на первых исследованиях по психофизиологии органов чувств в трактовке ощущений (Иоганн Мюллер, Г. Гельмгольц, см. дальше); однако психофизиология развивается как наука не благодаря этим кантианским идеям, а вопреки им.

Из философов начала XIX в. – периода, непосредственно предшествовавшего оформлению психологии как науки, наибольшее внимание проблемам психологии уделяет стоящий особняком от основной линии философии немецкого идеализма *И. Ф. Герbart*. Главным образом в интересах педагогики, которую он стремится обосновать как науку на психологии, Герbart хочет превратить психологию в «механику представлений». Он подверг жестокой критике психологию способностей, которую до него развили представители английского ассоцианизма, и попытался ввести в психологию метод математического анализа.

Эта попытка превратить психологию как «механику представлений» в дисциплину, оперирующую наподобие ньютоновской механики математическим методом, у Гербарта не увенчалась и не могла увенчаться успехом, так как математи-

ческий анализ у него применялся к мало обоснованным умозрительным построениям. Для того чтобы применение математического анализа получило в психологии почву и приобрело подлинно научный смысл, необходимы были конкретные исследования, которые вскоре начались в плане психофизики и психофизиологии.

Подводя итоги тому, что дал XVIII в., «вершиной» которого в науке был материализм, Ф. Энгельс писал: «Борьба с абстрактной субъективностью христианства привела философию XVIII века к противоположной односторонности; субъективности была противопоставлена объективность, духу – природа, спиритуализму – материализм, абстрактно-единичному – абстрактно-всеобщее, субстанция... XVIII век не разрешил великого противоречия, занимающего историю испокон века и заполняющего ее своим развитием: противоречия субстанции и субъекта, природы и духа, необходимости и свободы; но он противопоставил друг другу обе стороны противоречия во всей их резкости и полноте развития и этим сделал необходимым его разрешение»¹¹.

Этого противоречия не разрешила и не могла разрешить немецкая идеалистическая философия конца XVIII и начала XIX в. и не могла создать новых философских основ для психологии.

В 1844–1845 гг., когда складываются взгляды К. Маркса, им закладываются не только основы общей научной ме-

---

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 599–600.

тодологии и целостного мировоззрения, но и намечаются специально новые основы для построения психологии, которая была бы «действительно содержательной и *реальной* наукой»¹².

Еще до того в этюдах и экскурсах, служивших подготовительными работами для «Святого семейства» (1845), имеющих самое непосредственное отношение к психологии и особенное для нее значение, в «Немецкой идеологии» (1846–1847), посвященной анализу и критике послегегелевской и фейербахианской философии, Маркс и Энгельс формулируют ряд положений, которые закладывают новые основы для психологии. В 1859 г., т. е. одновременно с «Элементами психофизики» Г. Т. Фехнера, от которых обычно ведут начало психологии как экспериментальной науки, выходит в свет работа Маркса «К критике политической экономии», в предисловии к которой Маркс с классической четкостью формулирует основные положения своего мировоззрения, в том числе свое учение о взаимоотношении сознания и бытия. Однако ученые, которые в середине XIX в. вводят экспериментальный метод в психологию и оформляют ее как самостоятельную экспериментальную дисциплину, проходят мимо этих идей нарождающегося тогда нового философского мировоззрения; психологическая наука, которую они строят, неизбежно стала развиваться в противоречии с основами новой научной марксистской методологии. То, что в этот

---

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. III. 1929. С. 629.

период сделано было классиками марксизма для обоснования новой, подлинно научной психологии, обрывается лишь временно, с тем чтобы получить дальнейшее развитие почти через столетие в советской психологии.

Оформление психологии как экспериментальной науки

Переход от знания к науке, который для ряда областей должен быть отнесен к XVIII в., а для некоторых (как то: механика) еще к XVII в., в психологии совершается лишь в середине XIX в. Лишь к этому времени многообразные психологические знания оформляются в самостоятельную науку, вооруженную собственной, специфической для ее предмета методикой исследования и обладающей своей системой, т. е. специфической для ее предмета логикой построения относящихся к нему знаний.

Методологические предпосылки для оформления психологии как науки подготовили главным образом те, связанные с эмпирической философией, течения, которые провозгласили в отношении познания психологических, как и всех других, явлений необходимость поворота от умозрения к опытному знанию, осуществленного в естествознании в отношении познания физических явлений. Особенно значительную роль сыграло в этом отношении материалистическое крыло эмпирического направления в психологии, кото-

рое связывало психические процессы с физиологическими.

Однако для того чтобы переход психологии от более или менее обоснованных знаний и воззрений к науке действительно осуществился, необходимо было еще соответствующее развитие научных областей, на которые психология должна опираться, и выработка соответствующих методов исследования. Эти последние предпосылки для оформления психологической науки дали работы физиологов первой половины XIX в.

Опираясь на целый ряд важнейших открытий в области физиологии нервной системы (Чарльза Белла, показавшего наличие различных чувствующих и двигательных нервов и установившего основные законы проводимости (1811)¹³, И. Мюллера, Э. Дюбуа-Раймона, Г. Гельмгольца, подвергших измерению проведение возбуждения по нерву), они создали целый ряд капитальных трудов, посвященных общим закономерностям чувствительности и специально работе различных органов чувств (работы Иоганнеса Мюллера и Э. Г. Вебера, работы К. Юнга, Г. Гельмгольца и Э. Геринга по зрению, Г. Гельмгольца по слуху и т. д.). Посвященные физиологии органов чувств, т. е. различным видам чувствительности, эти работы в силу внутренней необходимости переходили уже в область психофизиологии ощущений.

Особенное значение для развития экспериментальной

---

¹³ Тот же Чарльз Белл явился между прочим и автором замечательного трактата о выразительных движениях.

психологии приобрели исследования Э. Г. Вебера, посвященные вопросу об отношении между приростом раздражения и ощущением. Эти исследования были затем продолжены, обобщены и подвергнуты математической обработке Г. Т. Фехнером (см. дальше). Этим трудом были заложены основы новой специальной области экспериментального психофизического исследования.

Результаты всех этих исследований объединил, отчасти дальше развил и систематизировал в психологическом плане в своих «Основах физиологической психологии» (1874) В. Вундт. Он собрал и дальше разработал в целях психологического исследования методы, выработанные первоначально физиологами.

В 1861 г. В. Вундт изобретает первый элементарный прибор специально для целей экспериментального психологического исследования. В 1879 г. он организует в Лейпциге лабораторию физиологической психологии, в конце 80-х годов реорганизованную в Институт экспериментальной психологии. Первые экспериментальные работы Вундта и многочисленных учеников были посвящены психофизиологии ощущений, скорости простых двигательных реакций, выразительным движениям и т. д. Все эти первые работы были, таким образом, сосредоточены на элементарных психофизиологических процессах; они целиком еще относились к тому, что сам Вундт называл *физиологической психологией*. Но вскоре эксперимент, проникновение которого в психологию

началось с элементарных процессов, лежащих как бы в пограничной между физиологией и психологией области, стал шаг за шагом внедряться в изучение центральных психологических проблем. Лаборатории экспериментальной психологии стали создаваться во всех странах мира. Э. Б. Титченер выступил пионером экспериментальной психологии в США, где она вскоре получила значительное развитие.

Экспериментальная работа стала быстро шириться и углубляться. Психология превратилась в самостоятельную, в значительной мере экспериментальную науку, которая все более строгими методами начинает устанавливать новые факты и вскрывать новые закономерности. За несколько десятилетий, прошедших с тех пор, фактический экспериментальный материал, которым располагает психология, значительно возрос; методы, которыми она работает, стали разнообразнее и точнее; облик науки заметно преобразился. Внедрение в психологию эксперимента не только вооружило ее этим новым для нее, очень мощным специальным методом научного исследования, но и вообще по-новому поставило вопрос о методике психологического исследования в целом, выдвинув новые требования и критерии научности всех видов опытного исследования в психологии. Именно поэтому введение экспериментального метода в психологию сыграло такую большую, пожалуй, даже решающую роль в оформлении психологии как самостоятельной науки. Наряду с проникновением в психологию экспериментального метода зна-

чительную роль в развитии психологии сыграло проникновение в нее принципа эволюции.

Эволюционная теория современной биологии, распространившись на психологию, сыграла в ней двойную роль: во-первых, она ввела в изучение психических явлений новую, очень плодотворную точку зрения, связывающую изучение психики и ее развития не только с физиологическими механизмами, но и с развитием организмов в процессе приспособления к среде. Еще в середине XIX в. Г. Спенсер строит свою систему психологии, исходя из принципа биологической адаптации. На изучение психических явлений распространяются принципы широкого биологического анализа. Сами психические функции в свете этого биологического подхода к проблемам психологии начинают пониматься как явления приспособления, исходя из той роли или функции, которые они выполняют в жизни организма. Эта биологическая точка зрения на психические явления получает в дальнейшем значительное распространение. Превращаясь в общую концепцию, не ограничивающуюся филогенезом, она вскоре обнаруживает свою ахиллесову пяту, приводя к биологизации человеческой психологии.

Эволюционная теория, распространившаяся на психологию, привела, во-вторых, к развитию генетической психологии – прежде всего зоопсихологии. В конце прошлого столетия, благодаря ряду выдающихся работ (Ж. Леба, К. Ллойд-Моргана, Л. Гобхауза, Г. Дженнингса, Э. Л. Торндайка и др.),

зоопсихология, освобожденная от антропоморфизма, вступает на путь объективного научного исследования. Из исследований в области филогенетической сравнительной психологии (зоопсихологии) возникают новые течения общей психологии, и в первую очередь поведенческая психология. В настоящее время зоопсихология – одна из наиболее интенсивно разрабатываемых областей психологии. Новейшие работы в этой области проливают яркий свет на предшествующие человеку ступени развития психики в филогенезе.

Проникновение в психологию принципа развития не могло не стимулировать и психологических исследований в плане онтогенеза. Во второй половине XIX в. начинается интенсивное развитие и этой отрасли генетической психологии – психологии ребенка. В 1877 г. Ч. Дарвин публикует свой «Биографический очерк одного ребенка» («A biographical sketch of an infant»). Около того же времени появляются аналогичные работы И. Тэна, Э. Эггера и др. Вскоре – в 1882 г. – за этими научными очерками-дневниками, посвященными наблюдениям за детьми, следует продолжающая их в более широком и систематическом плане работа В. Прейера «Душа ребенка».

В. Прейер находит множество продолжателей в различных странах. Интерес к детской психологии становится всеобщим и принимает интернациональный характер. Во многих странах создаются специальные исследовательские институты и выходят специальные журналы, посвященные

детской психологии. Появляется ряд работ, посвященных психологии ребенка. Представители каждой сколько-нибудь крупной психологической школы начинают уделять значительное внимание психологии ребенка. В психологии ребенка получают отражение все течения психологической мысли.

Наряду с развитием экспериментальной психологии и расцветом различных отраслей генетической психологии, как знаменательный в истории психологии факт, свидетельствующий о значимости ее научных исследований, необходимо еще отметить развитие различных специальных областей так называемой прикладной психологии, которые подходят к разрешению различных вопросов жизни, опираясь на результаты научного, в частности экспериментального, исследования. Психология находит себе обширное поле применения в области воспитания и обучения, в медицинской практике, в судебном деле, в области хозяйственной жизни, в военном деле, искусстве и т. д.

Кризис методологических основ психологии

Оформление психологии как самостоятельной экспериментальной дисциплины хронологически совершается на рубеже двух исторических периодов: в последние годы второго периода новой истории (от Французской революции XVIII в. до Парижской Коммуны) и первые годы третьего периода (от Парижской Коммуны до конца Первой миро-

вой войны и победы Великой социалистической революции в России). Корнями своими она уходит в предшествующий период.

Методика экспериментального психофизиологического исследования – одна из двух основных составных частей новой психологической науки – сложилась на основе крупнейших научных достижений физиологии нервной системы и органов чувств первой половины XIX в. Лучшие же философские свои принципы она заимствовала из арсенала XVIII в. Именно тогда еще были, как мы видели (см. выше), выкованы ее основные понятия и объяснительные принципы.

Оформившаяся как самостоятельная наука в середине XIX в. психология по своим философским основам была наукой XVIII в. Не Г. Т. Фехнер и В. Вундт – эклектики и эпигоны в философии, а великие философы XVII–XVIII вв. определили ее методологические основы. Оформление психологии как экспериментальной дисциплины у Вундта происходило уже в условиях назревавшего кризиса ее философских основ.

Поэтому в корне должна быть отвергнута та очень распространенная точка зрения, которая превращает оформление экспериментальной физиологической психологии у Фехнера и Вундта в кульминационный пункт развития психологии, приближаясь к которому психология все шла вверх и начиная с которого она, переходя в состояние кризиса, ста-

ла неуклонно спускаться вниз. Внедрение в психологию экспериментального метода и выделение психологии как особой экспериментальной дисциплины являются, бесспорно, существенным этапом в развитии психологической науки. Но становление новой психологической науки не может быть стянуто в одну точку. Это длительный, еще не закончившийся процесс, в котором должны быть выделены три вершинные точки: первая должна быть отнесена к тому же XVIII в. или переломному периоду от XVII к XVIII в., который выделил Ф. Энгельс для всей истории науки, вторая – ко времени оформления экспериментальной физиологической психологии в середине XIX в.; третья – к тому времени, когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией. Первые камни этого нового здания заложил в своих ранних юношеских работах К. Маркс.

Для развития психологии во второй период характерно отсутствие больших оригинальных систем, в какой-либо мере сравнимых с теми, которые создал XVIII в. или начало XIX в., подчинение психологии таким построениям как эклектическая «индуктивная метафизика» В. Вундта, прагматическая философия У. Джемса или эмпириокритицизм Э. Маха и Р. Авенариуса, и нарастающая борьба с идеалистических позиций против стихийно-материалистических тенденций, сенсуалистических и механистических принципов, на которых первоначально строится экспериментальная фи-

зиологическая психология; под конец этого периода борьба эта приводит психологию к открытому кризису. Наряду с этим происходит дальнейшее развитие специальных экспериментальных исследований и совершенствование техники исследования.

Развитие экспериментального исследования почти все относится собственно к этому периоду. В предшествующий период произошло лишь само зарождение психофизики и психофизиологии, или физиологической психологии. Развитие выходящего за рамки психофизиологии экспериментального исследования, начинающегося с работы Г. Эббингауза о памяти (1885), исследования Г. Э. Мюллера о памяти и внимании и т. д., относится главным образом к концу XIX в. (80-е и 90-е годы). К этому же времени относится развитие зоопсихологии (классический труд Э. Л. Торндайка выходит в 1898 г.). Особенно значительное развитие психологии ребенка, начинающееся с труда В. Прейера (1882), относится главным образом к еще более позднему времени (труд В. Штерна «Психология раннего детства» в 1914 г., работы К. Гросса, К. Бюлера и др. в последующие годы).

Физиологическая, экспериментальная психология, оформившаяся как наука, по своим основным, наиболее прогрессивным методологическим принципам и философским традициям *была*, как мы видели, к моменту своего оформления еще *наукой* XVIII в., о которой Энгельс писал, что наука XVIII в. противопоставила одной односторонности против-

положную (субъективности – объективность, духу – природе, спиритуализму – материализм, абстрактно-единичному – всеобщее), не разрешив их противоречия, но сделав необходимым его разрешение тем, что XVIII в. противопоставил обе стороны противоречия во всей их резкости и полноте¹⁴.

Борьба против методологических принципов, на которых было первоначально воздвигнуто здание экспериментальной психологии, начинается уже на рубеже XX в. Она идет по многим линиям и повсюду в этой борьбе продолжается противопоставление одной противоположности другой. Господствующему первоначально в физиологической психологии *сенсуализму* различных толков противопоставляется *рационализм* (психология «чистого мышления» вюрцбургской школы и А. Бине: снова *Декарт* против *Локка*); механистическому атомизму в психологии – «ассоцианизму» – целостность различных видов (целостная психология берлинской школы, лейпцигской и т. д.) и принцип активности («апперцепция», «творческий синтез» у В. Вундта; *Лейбниц* против *Декарта*); *натурализму* физиологическому (в психофизиологии) или биологическому (Дарвин, Спенсер) – различные формы *спиритуалистической* «психологии духа» и идеалистической «социальной психологии» (французская социологическая школа в психологии). Далее поднимаются новые противоречия: *интеллектуализму* – сенсуалистическому и рационалистическому – начинают противопоставляться раз-

---

¹⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. II. 1929. С. 349.

личные формы *иррационализма*; разуму, который обожествляла Французская революция XVIII в., – темные глубинные влечения, инстинкты. Наконец, с разных сторон начинается борьба против лучших прогрессивных моментов картезианского понятия сознания с его *ясным* и *отчетливым* знанием, против него, с одной стороны, выдвигается диффузное чувствоподобное переживание психологии лейпцигской школы (*К. Беме и немецкие мистики против Декарта*); против него, с другой стороны, выступают различные разновидности психологии бессознательного (психоанализ З. Фрейда и т. д.); против него, наконец, доводя кризис до крайних пределов, выступает поведенческая психология, которая отвергает не только специфическое понятие сознания, но и психику в целом: «Человек-машина» Ж. О. де Ламеттри пытается преодолеть все противоречия человеческого духа, вовсе упразднив его (*рефлекс против сознания, Декарт против Декарта*).

Эта борьба в своих основных тенденциях является идеологической борьбой, но опорные точки для тех конкретных форм, которые она принимает в практике психологического исследования, дают противоречия между конкретным фактическим материалом, который вскрывает поступательный ход научного психологического исследования, и теми методологическими основами, из которых исходила психология.

Борьба по всем этим направлениям, начинаясь на рубеже XX в., тянется в зарубежной психологии по сегодняшний день. Но в разные периоды господствующими оказыва-

ются разные мотивы. Здесь приходится различать прежде всего *период до 1918 г.* (до окончания Первой мировой войны и победы великой социалистической революции в России) и последующий период. Во второй из этих периодов психология вступает в полосу открытого кризиса; в первый он подготавливается. Уже и в первый из этих периодов начинают складываться многие из направлений, которые станут господствующими в последующий период, – и иррационалистический интуитивизм А. Бергсона, и психоанализ З. Фрейда, и психология духа В. Дильтея и т. д., но характерными для этого периода являются главным образом направления, ведущие борьбу против сенсуализма и отчасти механистического атомизма ассоциативной психологии, которая является на первых порах господствующим направлением психологии (Г. Спенсер, А. Бэн – в Англии, И. Тэн, Т. А. Рибо – во Франции, Г. Эббингауз, Г. Э. Мюллер, Т. Циген – в Германии, М. М. Троицкий – в России). В этот период господствует еще тенденция *рационалистического* идеализма. В последующий период, в послевоенные годы, которые становятся и для психологии годами острого кризиса, господствующими все в большей мере становятся иррационалистические, мистические тенденции.

Антисенсуалистические тенденции выявляются сначала в связи с постановкой в психологии проблемы мышления – в наиболее тонкой форме у А. Бине во Франции, у Д. Э. Мура и Э. Эвелинга в Англии, в наиболее заостренно идеали-

стической форме в Германии у представителей вюрцбургской школы, находящейся под непосредственным влиянием идеалистической философии Э. Гуссерля, воскрешающего платоновский идеализм и «реализм» схоластической философии. Вюрцбургская школа строит психологию мышления на основе «экспериментального самонаблюдения». Основная цель ее – показать, что мышление в своей основе – чисто духовный акт, не сводимый к ощущениям и независимый от чувственно-наглядных образов; стержнем его является «интенция» (направленность) на идеальный объект, основным содержанием – непосредственное «схватывание» отношений. Таким образом, вюрцбуржцы возрождают в рамках «экспериментальной психологии» идеи рационалистической философии, так же как их противники осуществляют принципы философии эмпиризма. При этом оба направления при всем их антагонизме вместе с тем объединены их общим метафизическим подходом к вопросу о соотношении мышления и ощущения. Сенсуалистическая психология стоит на позициях вульгарного метафизического эмпиризма, для которого нет перехода от ощущения к мышлению. Тем самым приходилось либо вовсе отрицать качественную специфичность мышления, сводя мышление к ощущениям, либо рассматривать мышление в отрыве от ощущения. Постановка проблемы мышления в плане психологического исследования неизбежно должна была на этой основе привести к рационалистическому противопоставлению мышления ощу-

щению, вообще чувственной наглядности.

Вслед за борьбой против сенсуалистического принципа начинается борьба и против механистически-атомистического принципа ассоциативной психологии, против «психологии элементов» и ее тенденции, навеянной идеалами механистического естествознания, разлагать все сложные образования сознания на элементы и рассматривать их как результат сцепления, ассоциации этих элементов. Еще В. Вундт пытается учесть качественное своеобразие целого по отношению к элементам, вводя понятие апперцепции и творческого синтеза, противопоставляемого им простой внешней ассоциации. К этому нововведению вынуждают Вундта экспериментальные факты. Так, уже первые психологические работы по слуховым ощущениям, а именно исследования К. Штумпфа (1883), показали, что тоны, сливаясь, а не внешне лишь ассоциируясь, образуют многообразные целостные структуры, выступающие как новые специфические качества, не сводимые на качества входящих в них элементов. Затем Х. Эренфельс (1890) показал это на зрительных восприятиях и впервые ввел для обозначения этого специфического нового качества целого термин «Gestaltqualität». Последующие исследования о восприятии музыкальных тонов и ряд других исследований вскрыли обширный фактический материал, который не вмещался в рамки психологии элементов и принуждал к тому, чтобы выйти за ее пределы.

Сначала этот выход за пределы механистической психо-

логии элементов совершается по преимуществу путем противопоставления механизму ассоциаций различных форм «творческого синтеза» как проявлений духовной активности (Вундт), «переходных состояний сознания» (Джемс) и т. п. В последующий послевоенный период кризиса этот же вопрос о целостных образованиях, не сводимых на сумму элементов, разрешается исходя уже из существенно иных позиций структурного формализма (гештальтпсихология) и иррационалистической комплексности (лейпцигская школа).

Борьба против ассоциаций как основного объяснительного принципа экспериментальной психологии находит себе выражение и в другой очень симптоматической тенденции – тенденции вовсе отказаться от объяснения более сложных осмысленных («духовных») психических явлений и ограничиться описанием тех форм, в которых эти духовные явления даны («описательная психология» В. Дильтея). Но и эти тенденции (наметившиеся еще у Вундта, противопоставляющего физиологической психологии историческую психологию народов, изучающую высшие духовные образования – речь, мышление и т. д.) выступают на передний план уже в последующие послевоенные годы – в период кризиса.

В годы, следующие за окончанием Первой мировой войны, кризис принимает острые формы. Так же как кризис в физике, о котором писал В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», в математике и т. д., это кризис методологический, связанный с идеологической борьбой за мето-

дологические основы науки. Рушатся методологические основы, на которых было первоначально воздвигнуто здание экспериментальной психологии; все большее распространение получает в психологии отказ не только от эксперимента, но и вообще от задач научного объяснения («понимающая психология» Э. Шпрангера); психологию захлестывает волна витализма, мистицизма, иррационализма. Идущий из глубин организма инстинкт (А. Бергсон), «горме» (у У. Мак-Дауголла) вытесняет интеллект. Центр тяжести переносится от высших исторически сложившихся форм сознания к доисторическим, примитивным, «глубинным» ее основам, от сознания – к бессознательному, инстинктивному. Сознание низводится на роль маскировочного механизма, лишённого реального влияния на поведение, управляемое бессознательными влечениями (З. Фрейд). Наряду с этим механицизм принимает крайние формы, приходя к полному отрицанию психики и сознания человека; человеческая деятельность сводится к совокупности неосознанных рефлексорных реакций (поведенческая психология). В психологии народов и в учении о личности, в характерологии господствующими в зарубежной буржуазной психологии становятся реакционные расовые фаталистические теории (Э. Кречмер, Э. Иенш); в психологии ребенка широко распространяется педология, в педагогической и вообще прикладной психологии – тестология. За ее антинаучными методами все более обнаженно выступают ее классовые позиции.

Кризис психологии выявился в наибольшей своей остроте, когда сформировалась поведенческая психология – рефлексология в России и бихевиоризм в Америке, потому что поведенческая психология, выдвинув поведение как предмет психологии, с особенной остротой выявила кризис центрального понятия всей современной психологии – понятия сознания.

Русская рефлексология (В. М. Бехтерев) сложилась на основе изучения физиологии нервной деятельности. Американский бихевиоризм (от английского слова *behavior*, что значит «поведение») сформировался в Америке на рубеже XX в. в исследованиях над поведением животных. В первую очередь исследования Э. Л. Торндайка над поведением животных (1898) заложили основы бихевиоризма, определив методiku и проблематику новой психологии, в которой центральное место заняла проблема навыка.

Выросшую из этих исследований над животными концепцию Дж. Уотсон (*Watson*) методологически оформил, заострил и перенес на психологию человека. В 1912 г. он сформулировал принципы новой психологии в программной статье¹⁵. В 1918 г. он их развернул в своей книге «Психология как наука о поведении». Ряд психологов, главным образом в Америке, – К. Лешли (*Lashley*), У. Гунтер (*Hunter*), Вейсс (*Weiss*) – примкнули к новому направлению. Вскоре

---

¹⁵ *Watson J. B. Psychology as the Behaviorist Views. «Psychological Review». V. 20. 1931.*

бихевиоризм смог опереться на работы И. П. Павлова об условных рефлексах, начавшиеся вскоре после исследований Э. Л. Торндайка, но независимо от них.

В настоящее время к бихевиористам причисляется значительное число американских психологов, объединенных лишь признанием поведения предметом психологии. Само же поведение понимается ими по-разному. Так, ряд психологов-поведенцев (прежде всего Э. Ч. Тольман) особенно подчеркивает направленный, целевой характер поведения, роль намерения в нем.

В литературе сделана была попытка расклассифицировать современных бихевиористов на три группы: строгих бихевиористов (типа Дж. Б. Уотсона), бихевиористов не строгих (Г. У. Олпорт и др.) и бихевиористов, признающих направленный характер поведения (типа Э. Ч. Тольмана)¹⁶. Но в действительности их можно насчитать много больше. Образуется ряд различных оттенков и промежуточных позиций, почти смыкающихся с механистическими направлениями внутри эмпирической психологии. Наряду с этим на механистической основе бихевиоризма нарастают идеалистические телеологические тенденции. Крупнейшим представителем этого телеологического необихевиоризма является в настоящее время Э. Ч. Тольман, сочетающий бихевиоризм с гештальтизмом. Его концепция имеет в настоящее время

---

¹⁶ См.: Рубинштейн С. Л. Необихевиоризм Тольмана // Ученые записки кафедры психологии Гос. пед. ин-та им. Герцена. Л., 1939.

наибольшую значимость. Предварительно развив ее в ряде специальных исследований, он подытожил ее затем в большом труде¹⁷.

Предметом психологии бихевиоризм считает не сознание, а поведение. Под поведением понимаются ответные движения организма на раздражения среды. Внешние раздражители, простые или сложные ситуации – это стимулы; ответные движения – реакции. Задача психологии – установить однозначные отношения между стимулами и реакциями. В отличие от того направления биологической психологии, которое стремилось объяснить все поведение животных и человека, исходя исключительно из внутренних, «глубинных» органических тенденций – инстинктов, влечений, поведенческая психология как учение о реакциях пытается вывести все поведение из действия внешних раздражителей.

В целях реализации объективности научного познания в психологии бихевиоризм выключает сознание и пытается строить уже не «психологию без души», а психологию без психики.

В отношении сознания у представителей поведенчества намечились в основном две различные точки зрения. Одни, как первоначально Уотсон, не отрицая существования сознания, отвергают его лишь как объект научного знания. Таким образом, субъективно-идеалистическому пониманию

---

¹⁷ Tolman Ed. Ch. Purposive Behavior in Animals and Men. New York – London, 1932.

психики противопоставляется механистическое понимание научного знания. Другая, более радикальная, позиция заключается в отрицании сознания, вернее, в сведении его к физиологическим процессам (К. Лешли).

Легко убедиться в том, что эта позиция бихевиоризма внутренне противоречива. Нельзя положить в основу психологического познания отрицание сознания. Отрицая явления сознания у испытуемых на том основании, что он об этих явлениях узнает лишь из показаний, основанных на самонаблюдении, бихевиорист вынужден самим фактом изучения предполагать у себя те явления сознания (восприятия, наблюдения, мышления), которые он отрицает у других. Дж. Б. Уотсон сам отмечает, что бихевиорист «в своей научной деятельности употребляет орудия, существование которых он отрицает в своем объекте и в самом себе». Таким образом, бихевиорист разлагает и распределяет между двумя субъектами то, что реально соединено в одном. В конечном счете он вынужден все же вернуться на половинчатую, внутренне несостоятельную позицию признания существования сознания и отрицания возможности его изучения.

Эта позиция бихевиоризма обусловлена тем, что бихевиоризм в своей борьбе против психологии сознания исходил из той концепции сознания, которая была создана субъективно-идеалистической психологией. Вся аргументация представителей поведенческой психологии, обосновывающая необходимость выключения психики из психологии,

сводилась в основном к тому, что психические явления, или явления сознания, принципиально доступны только одному наблюдателю; они «не поддаются объективной проверке и потому никогда не смогут стать предметом научного исследования» (Дж. Б. Уотсон). Эта аргументация против психологии сознания опиралась в конечном счете на интроспективное понимание сознания.

Вместо того чтобы в целях реализации объективизма научного познания в психологии преодолеть интроспективное понимание психики, поведенческая психология отбросила психику.

Исходя именно из такого понимания сознания, поведенческая психология пришла к своему пониманию деятельности как поведения. Изучение деятельности человека в отрыве от сознания означает не только выпадение сознания из области психологического исследования, но и ложное, механистическое понимание самой деятельности, которая сводится к совокупности реакций.

Понимание деятельности, или поведения, как совокупности реакций превращает реактивность в универсальный принцип: каждый акт деятельности представляется как ответ на внешний раздражитель. В основе этой концепции реактивности лежат теория равновесия и принцип внешней механической причинности. Внешний толчок нарушает равновесие; реакция восстанавливает его. Для дальнейшей деятельности необходим новый, извне идущий толчок.

Новейшие исследования заставляют усомниться в том, чтобы поведение даже и низших животных носило чисто реактивный характер. В применении же к человеческой деятельности этот принцип реактивности приводит к явному противоречию с самой основной ее особенностью. Человек здесь представляется только объектом средовых воздействий. Человек, конечно, является и объектом воздействия на него со стороны среды; но он также и субъект, который сам воздействует на среду, изменяет ее, регулируя те условия, которые обуславливают его деятельность. Изменяя среду, человек изменяется сам; в этом отличительная особенность труда в его специфически человеческих формах. Определение поведения как совокупности реакций не учитывает специфики человеческой деятельности. Начав с отрицания сознательности человеческой деятельности, бихевиоризм приходит и к отрицанию ее активности.

Сведение высших форм человеческой деятельности к механической сумме или агрегату элементарных реакций – рефлексов ведет к утрате их качественного своеобразия. Эта радикально-механистическая аналитическая концепция носит и ярко выраженный антиисторический характер. Правильно отмечает Дж. Б. Уотсон, что бихевиористская психология «прямо выросла из работ над поведением животных». И недаром он начинает предисловие к первому изданию своей «Психологии» с заявления: «Когда я писал этот труд, я рассматривал человека как животный организм». Наряду со

сведением психического к физическому поведенческая психология последовательно проводит сведение социального к биологическому.

Теоретически решающим для понимания кризиса психологии, раскрывшегося в борьбе поведенческой психологии против психологии сознания, является то, что в конечном счете поведенческая психология и интроспективная психология исходят из одного и того же понимания психики, сознания. Идеалистическая психология признала реальные психические процессы лишь субъективными содержаниями самонаблюдения, а бихевиористы и рефлексологи не критически полностью приняли идеалистическую концепцию своих противников. Только в силу этого они не могли найти никакого иного пути для реализации объективной научности психологического познания, как отказ от познания психики. Интроспекционисты, замыкая психику во внутреннем мире сознания, оторвали психику от деятельности; бихевиористы приняли как непреложную истину этот отрыв друг от друга сознания и деятельности, внутреннего и внешнего. Только на этой основе можно было определить свою задачу так, как это сделали представители поведенческой психологии: вместо изучения сознания, оторванного от поведения, поставить себе задачей изучение поведения, оторванного от сознания.

Таким образом, можно сказать, что и этот стержневой аспект кризиса был заложен в исходных позициях психологии сознания, сохранивших свое господство в эксперименталь-

ной психологии. *Это был кризис декарто-локковской интроспективной концепции сознания*, которая в течение столетий довлела над психологией. Сводя психику к сознанию, а сознание к самосознанию, к отражению (рефлексии) психики в себе самой, эта ставшая традиционной для всей психологии декарто-локковская концепция сознания отъединила сознание человека от внешнего мира и от собственной его внешней, предметной практической деятельности. В результате деятельность человека оказалась отъединенной от сознания, противопоставленной ему, сведенной к рефлексам и реакциям. Сведенная к реакциям деятельность человека становится *поведением*, т. е. каким-то способом реагирования; она вообще перестает быть деятельностью, поскольку деятельность немыслима вне ее отношения к предмету, к продукту этой деятельности. Поведение – это реактивность отъединенного от мира существа, которое, реагируя под влиянием стимулов среды, самой своей деятельностью активно не включается в нее, не воздействует на действительность и не изменяет ее. Это жизнедеятельность животного, приспособляющегося к среде, а не трудовая деятельность человека, своими продуктами преобразующая природу.

Отъединение сознания от предметной практической деятельности разорвало действенную связь человека с миром. В результате предметно-смысловое содержание сознания предстало в мистифицированной форме «духа», отчужденного от человека.

Поэтому можно сказать, что, так же как поведенческая психология является не чем иным, как оборотной стороной интроспективной концепции сознания, так «психология духа» (Э. Шпрангер), в которой предметно-смысловое содержание сознания – «дух» – выступает в мистифицированной форме данности, независимой от человеческой деятельности, является оборотной стороной поведенческой концепции деятельности. Именно потому, что поведенческая психология свела деятельность, преобразующую природу и порождающую культуру, к совокупности реакций, лишила ее воздейственного предметного характера, предметно-смысловое содержание «духа» предстало в виде идеальной данности.

За внешней противоположностью этих концепций в их конечных выводах скрывается общность исходных позиций, и если К. Бюлер ищет выхода из кризиса психологии в том, чтобы примирить, дополнив одну другой, психологию поведения с психологией духа (и психологией переживания), то нужно сказать, что их «синтез» лишь соединил бы пороки одной с пороками другой. В действительности нужно не сохранять как одну, так и другую, а обе их заодно преодолеть в их общей основе. Эта общая основа заключается в отрыве сознания от практической деятельности, в которой формируется и предметный мир и само сознание в его предметно-смысловом содержании. Именно отсюда проистекает, с одной стороны, отчуждение этого содержания как «духа» от

материального бытия человека, с другой – превращение деятельности в поведение, в способ реагирования. Здесь в одном общем узле сходятся нити, связующие психологию сознания и психологию поведения, психологию поведения и психологию духа; у направлений, представляющихся самыми крайними антиподами, обнаруживается общая основа. Здесь средоточие кризиса, и именно отсюда должно начаться его преодоление.

Оформившаяся в качестве особой научной дисциплины психология во всех основных своих разветвлениях исходила первоначально из натуралистических установок. Это был физиологический либо биологический натурализм, рассматривающий психику и сознание человека исключительно как функцию нервной системы и продукт органического биологического развития.

Но как только новая «экспериментальная психология» попыталась перейти от изучения элементарных психофизических процессов к изучению более сложных осмысленных форм сознательной деятельности, она еще у В. Вундта столкнулась с очевидной невозможностью исчерпать их изучение средствами психофизиологии. В дальнейшем это привело к тому, что идеалистическая «психология духа» была противопоставлена физиологической психологии. При этом *объяснение* явлений было признано задачей лишь физиологической психологии, изучающей психофизические, т. е. скорее физиологические, чем собственно психические, осмыслен-

ные, «духовные» явления. Задачей же психологии духа признавалось лишь *описание* тех форм, в которых эти духовные явления даны («описательная психология»), или их *понимание* («понимающая психология»). Как в одном, так и в другом случае духовные, т. е. осмысленные, психические явления, характерные для психологии человека, превращались в данности, не допускающие причинного объяснения их генезиса.

Эти духовные явления связывались с формами культуры, т. е. с содержанием истории, но не столько с тем, чтобы объяснить *исторический* генезис и развитие человеческого сознания, сколько с тем, чтобы признать *духовный* характер раскрывающегося в историческом процессе содержания культуры, которая превращается в систему вечных духовных форм, структур или ценностей. В результате создано внешнее противопоставление природы и истории, природного и духовного. Оно является общим для обеих враждующих концепций. В этом смысле можно опять-таки сказать, что неизбежность всего в дальнейшем развернувшегося конфликта натуралистической и «духовной» психологии – «*geisteswissenschaftliche Psychologie*» – была заложена в исходных позициях натуралистической психологии. Ее механистический натурализм, так же как и идеализм психологии духа, не мог возвыситься до мысли о единстве человеческой природы и истории, до той истины, что *человек* прежде всего *природное, естественное существо*, но сама *природа челове-*

ка – продукт истории. Поэтому духовное содержание исторического человека было внешне противопоставлено психологии природного человека.

Своеобразную попытку понять развитие форм человеческого сознания как продукт социально-исторического развития сделала французская социологическая школа Э. Дюркгейма.

Тенденция связать психологию с социальными дисциплинами во французской науке не нова. Она идет еще от Огюста Конта. В своей классификации наук Конт, как известно, не отвел особого места психологии. Его отрицательное отношение к психологии как самостоятельной дисциплине было направлено в основном против интроспективной метафизической психологии, которую в его время насаждал во Франции В. Кузен (Cousin). О. Конт противопоставил этой психологии то положение, что психические процессы становятся объектом науки лишь постольку, поскольку мы устанавливаем и определяем их извне, в объективном наблюдении, и вскрываем вне их лежащие причины их возникновения и протекания. Для реализации своего требования О. Конт не видел другого пути, как расчленив психологию на две дисциплины. Изучение психических функций он относил: 1) к анатомо-физиологии мозга, которая изучает их физиологические условия, 2) к социологии, которая изучает их характер, взаимосвязи и развитие в социальной среде.

Признание социальной обусловленности психологии че-

ловека получило значительный отзвук во французской психологической литературе. (Особенно явственно обнаруживаются эти социальные мотивы у одного из крупнейших французских психологов предыдущего поколения – у Т. Рибо.) Представители французской социологической школы и близкие к ней ученые (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, Ш. Блондель, Ж. Пиаже, М. Гальбвакс), а также П. Жане попытались объяснить формы человеческого сознания как продукт общественного развития. В ряде исследований они попытались вскрыть общественно-исторический генезис человеческих форм памяти, мышления, эмоций, развития личности и ее самосознания. Однако проблема социальной обусловленности сознания не получила и в исследованиях французских психологов удовлетворительного разрешения. В работах, исходящих из социологической концепции Э. Дюркгейма, социальность была понята идеалистически в отрыве от реальных общественных, производственных отношений людей и их отношения к природе; социальное, так же как и все объективное содержание мира, было сведено к общественному сознанию – к идеологии; социальные отношения – к общению в плане сознания.

Эта идеалистически понятая социальность была внешне противопоставлена биологической природе человека. Психическое развитие было поэтому некоторыми представителями этого направления (Ж. Пиаже) понята как процесс вытеснения примитивных форм биологически обусловленной

психики психикой социализированной. У представителей французской социологической школы *социальность* сводится к *идеологии*, *идеология* же (и коллективные представления) отождествляется с *психологией*. Общественное бытие превращается в социально-организованный опыт. Из сферы социального, в котором эти психологи ищут объяснения генезиса и развития человеческого сознания, выпадает общественная деятельность человека, практика, в процессе которой в действительности формируется сознание человека. Поэтому действительно адекватного объяснения генезиса и развития сознания у человека и эта психология, рассматривающая сознание человека как продукт общественно-исторического развития, дать не смогла.

Психология, оформившаяся как наука в экспериментальных исследованиях ощущений и затем памяти, была по своим исходным господствующим установкам насквозь интеллектуалистична; познавательные процессы занимали в ней центральное место. Это была психология ощущений, восприятий, представлений, идей. Потребности, побуждения, тенденции не играли в ней сколько-нибудь заметной роли. Она изучала сознание само по себе, вне реальной деятельности и поведения; уже поэтому проблема побуждений не была для нее актуальна. Поскольку эта традиционная классическая психология сознания пыталась объяснить поведение, она исходила из перцептивных, интеллектуальных моментов, она упоминала и о тенденциях, но все эти тенден-

ции мыслились как нечто производное от представлений, от идей. Это были тенденции идей, из которых пытались объяснить поведение человека, а не тенденции *человека*, которыми объяснялось бы течение его идей.

«Люди, — пишет Ф. Энгельс, — привыкли при объяснении своих действий исходить из своего мышления, а не из своих потребностей (которые, конечно, отражаются в голове, осознаются), и таким образом возникло с течением времени то идеалистическое мировоззрение, которое с эпохи падения античного мира владело умами»¹⁸. Это положение Энгельса полностью применимо к основному направлению западноевропейской психологической науки XIX в. Интеллектуализм, связанный с пренебрежением к неинтеллектуальной стороне психики, к динамическим движущим силам поведения, столкнулся с фактами, которые он оказался не в состоянии охватить и объяснить. Они вскрылись, во-первых, в генетическом плане сравнительной психологии, в которой изучение поведения животных, начиная с Ч. Дарвина, выявило значение проблемы инстинктов; с психологии животных эта проблема движущих сил, побуждений или мотивов поведения была распространена на человека. Роль влечений, аффективных тенденций вскрылась, во-вторых, в патологическом плане (в исследованиях П. Жане, З. Фрейда и др.). И опять-таки из области патологии сделаны были вы-

---

¹⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. XIV. С. 459 («Роль труда в процессе очеловечения обезьяны»). М.—Л., 1931; К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 20. С. 439.

воды и в отношении нормальной психологии. В частности психоанализ показал на обширном клиническом материале, что общая картина психической жизни человека, созданная традиционной школьной, насквозь интеллектуализированной психологией, никак не соответствовала действительности. В действительности в психике человека, в мотивах его поведения проявляется далеко не только интеллект; в них существенную роль играют влечения, аффективные тенденции, которые часто приходят в острый конфликт с сознанием человека и, определяя его поведение, порождают жестокие потрясения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.